

РОБЕРТ СИЛВЕРБЕРГ

ЗАМОК ЛОРДА ВАЛЕНТИНА

«Каждая новая книга из маджипурского цикла доказывает,
что Силверберг – выдающийся мастер».

РОБЕРТ ДЖОРДАН

**fan
zon**

Маджипур

Роберт Силверберг
Замок лорда Валентина

«ЭКСМО»

1980

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Силверберг Р.

Замок лорда Валентина / Р. Силверберг — «Эксмо»,
1980 — (Маджипур)

ISBN 978-5-04-109928-2

Валентин — человек без прошлого, странник, не помнящий своего прошлого. Он путешествует вместе с разношерстной труппой артистов по волшебной планете Маджипур, постоянно надеясь встретить кого-то, кто сможет вернуть ему то, что он потерял. И тогда он начинает видеть сны — и получать в них сообщения. Послания, которые говорят ему, что он не просто обычный бродяга — он лорд, правитель, изгнанный из своего замка. Теперь у его путешествия есть цель — вернуться в свой дом, узнать, что за враг забрал его память, и бросить вызов судьбе, которая его ждет...

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-109928-2

© Силверберг Р., 1980
© Эксмо, 1980

Содержание

Благодарности	6
Часть I	7
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	29
Глава 7	33
Глава 8	37
Глава 9	44
Глава 10	50
Глава 11	57
Глава 12	61
Глава 13	68
Глава 14	72
Глава 15	76
Часть II	82
Глава 1	82
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Роберт Силверберг

Замок лорда Валентина

*Дэвиду Хартуэллу, Пейдж Кэдди, Джону Бушу — они очень
деликатно подталкивали.*

Robert Silverberg
Lord Valentinès Castle
Copyright © Agberg Ltd, 1979, 1980

Перевод с английского *Михаила Коркина*

© М. Коркин, перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Благодарности

Я глубоко признателен Кэтрин Кровелл из Сан-Франциско за помощь в технических аспектах жонглирования в этом романе и необыкновенным артистам Летающих Братьев Карамазовых, которые, возможно, до сего момента даже и не представляли, какую помощь они оказали. Тем не менее, все теоретические концепции и практика жонглирования, выраженные в данном произведении, являются преимущественно моими собственными измышлениями. В частности, это касается возможностей четырехруких жонглеров. И ни мисс Кровелл, ни Карамазовы не должны нести никакой ответственности за любые неправдоподобные или невозможные описания на этих страницах.

Неоценимую помощь в прочих аспектах создания этой книги оказала Марта Рэндалл. Среди вкладов мисс Рэндалл – тексты некоторых из песен, которые можно обнаружить внутри романа.

За дополнительную критику рукописи на ее ранних стадиях, я весьма признателен Барбаре Силверберг и Сюзанне Л. Хоуфек. Также я должен поблагодарить Теда Чичака из Литературного Агентства Скотта Мередита за его поддержку и профессиональную проницательность.

Часть I

Книга Короля Снов

Глава 1

После долгого дня пути в золотой дымке влажного тепла, которая окутывала его как легкая мокрая шерсть, Валентин пришел к большому белому гребню, возвышавшемуся над Пидруидом – пышной провинциальной столицей. Это был самый большой город, который Валентин увидел с тех пор, как... Во всяком случае, самый большой за долгое время странствий.

Здесь он остановился, сел на край рыхлого белого выступа и погрузил ноги в осыпавшиеся каменные хлопья, глядя сверху на Пидруид и моргая, словно только что проснулся.

Был летний день, и до сумерек оставалось еще несколько часов. Солнце стояло высоко на юго-западе, над Великим океаном. «Отдохну здесь немного, – подумал Валентин, – а потом спущусь в Пидруид и устроюсь на ночлег».

Услышав за спиной шум катящихся откуда-то с высоты гребня камешков, он медленно оглянулся и увидел погонщика, мальчика с соломенного цвета волосами и веснушчатым лицом. Он вел вниз по горной тропе вереницу из пятнадцати или двадцати пурпурных верховых животных, откормленных, лоснившихся и явно ухоженных. Животное, на котором ехал мальчик, выглядело старше других, было менее упитанным и казалось умным и важным.

– Эй! – окликнул мальчик Валентина. – Куда направляешься?

– В Пидруид. А ты?

– Тоже. Веду вот животных на рынок. После такой работы очень пить хочется. У тебя вино есть?

– Немного, – ответил Валентин и похлопал по фляжке, висевшей на бедре, где более воинственный человек носил бы оружие. – Хорошее красное вино. Жаль, что мало осталось.

– Дай мне глотнуть, а я позволю тебе въехать в город верхом вместе со мной.

– Договорились, – кивнул Валентин.

Мальчик спешился, спустился по выступу и взял фляжку.

Ему было не более четырнадцати-пятнадцати лет. Крепкогрудый и мускулистый, но недостаточно высокий для своего возраста, он едва доставал до локтя Валентину, мужчине чуть выше среднего роста, с широкими плечами и крупными сильными руками. Мальчик покрутил фляжку, принялся со знанием дела, одобрительно кивнул, сделал большой глоток и вздохнул:

– Глотал пыль всю дорогу от Фалкинкипа! И жара чертовская – прямо душит! Еще час без питья – и я бы умер от жажды. – Он вернул фляжку Валентину. – Ты живешь в городе?

Валентин нахмурился.

– Нет.

– Значит, пришел на фестиваль?

– Какой фестиваль?

– А ты не знаешь?

Валентин покачал головой. Он ощущал на себе пристальный взгляд светлых насмешливых глаз мальчика, и это его смущало.

– Я путешествовал и не следил за новостями. А что, в Пидруиде сейчас фестиваль?

– На этой неделе. Начало в Звездный день. Большой парад, цирк, Королевское торжество. Посмотри вниз. Разве не видишь, как Он входит в город?

Валентин проследил за вытянутой рукой мальчика, указывавшей на южный край Пидруида, но увидел только скопление зеленых черепичных крыш и лабиринт древних улиц, проложенных без какого-либо плана. Он снова покачал головой.

– Да вон, – нетерпеливо сказал мальчик, – внизу, в гавани. Видишь корабли? Пять потрясающих кораблей с Его знаменем на мачтах. А вон процессия направляется к воротам Дракона, чтобы выйти на Черный тракт. Наверное, это Его колесница едет мимо арки Снов. Неужели не видишь? Может, у тебя неладно со зрением?

– Я не знаю города, – мягко объяснил Валентин. – Но гавань и пять кораблей вижу.

– Хорошо. Теперь смотри вглубь города. Видишь большие каменные ворота и широкий тракт, идущий через них? И ту церемониальную арку...

– Да, теперь вижу.

– И Его знамя над колесницей?

– Чье знамя? Ты прости, что я бестолковый, но...

– Чье? Как чье? Знамя лорда Валентина! Колесница лорда Валентина! По улицам Пидруида идут телохранители лорда Валентина. Разве ты не знаешь, что прибыл корональ?

– Нет.

– А фестиваль-то? С чего бы его устраивать летом, как не для того, чтобы приветствовать короняля?

Валентин улыбнулся:

– Я путешествовал и не следил за новостями. Еще вина хочешь?

– Там мало осталось, – заколебался мальчик.

– Допивай. В Пидруиде я куплю еще.

Он протянул мальчику фляжку и отвернулся, скользнув взглядом по склону, по лесу, окружавшему густонаселенный город, а затем обратил взор в другую сторону – к воде и к большим кораблям, к знаменам, марширующим воинам и колеснице короняля. Наверное, это был великий день в истории Пидруида. Ведь корональ правит из Горного замка, расположенного на другой стороне мира, а это так далеко, что и он, и Замок стали почти легендарными в мире Маджипура. Коронали Маджипура редко посещали западный континент. Но Валентина почему-то не волновало присутствие его сиятельного тезки. «Я здесь, и корональ здесь, – думал он, – и он будет ночевать в одном из дворцов хозяев Пидруида, а я – где-нибудь в копне сена. Потом будет большой фестиваль... А мне-то что?» Он испытывал нечто похожее на стыд за свое спокойствие, когда мальчик так возбужден. Пытаясь загладить свою бестактность, он произнес:

– Прости меня, я так мало знаю о том, что произошло в мире за эти несколько месяцев. Почему корональ здесь?

– Он возглавляет большое шествие по всему королевству, чтобы отметить свой приход к власти. Понимаешь, это новая власть, лорд Валентин всего два года на троне. Он брат умершего лорда Вориакса. Ты знаешь, что лорд Вориакс умер и что лорд Валентин стал нашим короналем?

– Слышал, – уклончиво ответил Валентин.

– Вот поэтому он и в Пидруиде. Он начал обход королевства, как только получил Замок. Целый месяц он провел на юге, в лесных провинциях, а позавчера приплыл к берегу Пидруида. Ночью он войдет в город, и несколько дней здесь будет фестиваль: еда и выпивка для всех, игры, танцы, удовольствия и большой базар, где я продам этих животных за хорошую цену. Потом он поедет через весь Зимроэль – от столицы к столице. Ему придется преодолеть столько тысяч миль, что при одной только мысли об этом у меня начинается головная боль. С восточного побережья он поплывет обратно в Алханроэль, в Горный замок, и в Зимроэле его не увидят еще лет двадцать, а то и больше. Наверное, это здорово – быть короналем!

Мальчик засмеялся:

– Хорошее было вино. Меня зовут Шанамир. А тебя?

– Валентин.

– Валентин? Знаменательное имя!

– Вполне обычное, по-моему.

– Поставь впереди «лорд» – и будешь короналем!

– Это не так просто. Да и зачем мне быть короналем?

– Власть, – коротко ответил Шанамир и широко раскрыл глаза. – Хорошая одежда, еда, вино, драгоценности, дворцы, женщины...

– Ответственность, – мрачно продолжил Валентин, – бремя. Ты думаешь, корональ только и делает, что пьет золотое вино и участвует в процессиях? Ты думаешь, он пришел сюда для своего удовольствия?

Мальчик задумался:

– Может, и нет.

– Он правит миллиардом миллиардов людей на такой огромной территории, что трудно даже себе представить. На его плечах лежит все: проведение в жизнь декретов понтифекса, поддержание порядка и справедливости на всей планете... Мне даже подумать об этом страшно, мальчик. Он следит, чтобы мир не скатился в хаос. Я не завидую ему. Пусть делает свое дело.

Шанамир, помолчав, сказал:

– А ты не так глуп, Валентин, как я сначала подумал.

– Значит, ты посчитал меня дураком?

– Ну, простоватым, недалеким. Ты взрослый мужчина, а о некоторых вещах знаешь так мало, что я, который вдвое моложе тебя, вынужден давать тебе объяснения. Однако я, наверное, недооценил тебя. Ну что, поедem в Пидруид?

Глава 2

Валентин мог выбрать любое животное из тех, которых мальчик вел на рынок, но все они казались ему одинаковыми, так что он только сделал вид, что выбирает, и, взяв одного наугад, устроился на его спине. Приятно проехать после столь долгой ходьбы. Сидеть было удобно, потому что этот вид выводили в течение тысячелетий, взяв за основу древних искусственных животных, созданных с помощью магии. Они были сильны, неутомимы, терпеливы и всеядны. Искусство их селекции уже давно утрачено, но теперь они размножались сами, как настоящие животные. Без них было бы довольно трудно передвигаться по Маджипуру.

Дорога на Пидруид примерно с миллю шла вдоль высокого гребня, а затем резко спускалась на прибрежную равнину.

Инициативу в разговоре Валентин предоставил парню. По словам Шанамира, родился он в округе, расположенном в двух с половиной днях пути вглубь континента, на северо-востоке. Вместе с отцом и братьями он выращивает животных для продажи на рынке Пидруида, и это занятие позволяет им прилично жить. Ему тринадцать лет, и он о себе высокого мнения. Он никогда не бывал за пределами провинции, столицей которой является Пидруид, но когда-нибудь пройдет по всему Маджипуру, совершит паломничество на Остров Сна и преклонит колени перед Хозяйкой Острова Сна, пересечет Внутреннее море до Алханроэля, дойдет до подножия Замковой горы, потом отправится на юг, может быть даже за влажные тропики, в жаркие и пустынные владения Короля Снов, ибо какой смысл в обладании молодостью и здоровьем, если ты не имеешь возможности путешествовать по такому полному чудес миру, как Маджипур...

– А ты, Валентин, – неожиданно спросил он, – кто ты, откуда и куда идешь?

Валентин был застигнут врасплох. Убаюканный болтовней мальчика и размеренным, мягким ходом животного, спускавшегося по широкой извилистой дороге, он не был готов к вопросам, а потому ответил только:

– Я из восточных провинций. Дальше Пидруида еще не планировал ничего. Останусь здесь, пока не появится причина уйти.

– Зачем ты идешь?

– А почему бы мне не идти?

– Ох, – вздохнул Шанамир, – ну ладно. Уклончивый ответ я узнаю сразу. Ты младший сын герцога из Ни-мойи или Пилиплока. Ты навел на кого-то нехороший сон, тебя поймали на этом, и твой отец дал тебе кошелек с деньгами и приказал убраться куда-нибудь подальше от дома. Правильно?

– Точно, – сказал Валентин, подмигнув.

– Ты нагружен реалами и кронами и устроишься в Пидруиде как принц, будешь пить и веселиться, пока не истратишь последнюю монетку, а затем наймешь морское судно и поплывешь в Алханроэль, а оруженосцем возьмешь меня. Так или нет?

– Все верно, мой друг. Кроме денег. Эту часть твоей фантазии я не предусмотрел.

– Но хоть какие-то деньги у тебя есть? – спросил Шанамир уже более серьезно. – Ты ведь не нищий? В Пидруиде нищих не жалуют. Там не разрешают бродяжничать.

– У меня есть несколько монет, – ответил Валентин. – Их хватит, чтобы прожить до конца фестиваля и еще немного, а там видно будет.

– Если ты пойдешь в море, возьми меня с собой.

– Если пойду – возьму.

Они преодолели уже половину склона. Пидруид располагался на побережье, в огромной долине, окруженной низкими холмами. Лишь в одном месте холмы прерывались, пропуская

океан вглубь суши и позволяя ему образовать сине-зеленую бухту. Так что у Пидруида была великолепная гавань.

Поздним вечером Валентин и Шанамир спустились к воде. После липкой жары приятно пахнущее дыхание прохладного бриза доставляло особенное удовольствие. С запада к берегу уже тянулся белый туман, воздух имел резкий привкус соли и был насыщен водой, в которой всего несколько часов назад плескались рыбы и морские драконы.

Валентина потрясли размеры лежавшего перед ним города. Он не мог припомнить, видел ли когда-нибудь город больше этого. Впрочем, он не мог вспомнить очень многого.

Это был край континента. Весь Зимроэль лежал за спиной Валентина. Насколько ему было известно, он прошел его из конца в конец от одного из восточных портов – Ни-мойи или Пилиплока. Однако он знал также, что достаточно молод, и сомневался, можно ли за целую жизнь пройти пешком столь длинный путь, хотя и не помнил, чтобы у него были какие-нибудь верховые животные, если не считать того, на котором он ехал сегодня. С другой стороны, он вроде бы умел ездить верхом, так как на широкой спине животного чувствовал себя весьма уверенно, а значит, вполне возможно, что часть пути он все-таки проехал. Но все это неважно. Он здесь и не испытывает никакого беспокойства. Раз уж ему как-то удалось добраться до Пидруида, здесь он и останется, пока не появится причина отправиться дальше. Валентин не разделял жажду Шанамира к путешествиям.

Мир так велик – подумать страшно. Три больших континента среди безбрежной воды – пространство, размеры которого можно в полной мере постичь лишь во сне, да и то при пробуждении не поверить в это. Говорят, лорд Валентин, корональ, жил в замке, которому было восемь тысяч лет и в котором за каждый год его существования прибавлялось по пять комнат, и что стоял этот замок на высокой горе, буквально пронзающей небо. Ее колоссальные пики вздымались на тридцать миль, а на ее склонах располагались пятьдесят таких же больших городов, как Пидруид. Такое даже трудно себе представить. Мир был слишком огромен, слишком стар, слишком населен. «Я буду жить в этом городе, в Пидруиде, – думал Валентин, – найду способ заплатить за пищу и ночлег и буду счастлив».

– Ты, конечно же, не заказал место в гостинице? – прервал его размышления Шанамир.

– Конечно нет.

– Об этом стоило бы подумать... Из-за фестиваля в городе сейчас все забито, и корональ уже здесь. Где ты будешь спать, Валентин?

– Где-нибудь. Под деревом. На куче песка. В общественном парке. Вон направо, кажется, парк с высокими деревьями.

– Ты забыл, что я тебе говорил насчет бродяг в Пидруиде? Тебя найдут и посадят под замок на месяц, а затем ты будешь убирать навоз, а плата уборщику навоза такова, что тебе придется заниматься этим всю жизнь.

– Во всяком случае, уборка навоза – работа постоянная, – заметил Валентин.

Но Шанамир оставался серьезным.

– Есть гостиница, где останавливаются продавцы верховых животных. Попробую как-нибудь устроить тебя туда. Что бы ты делал без меня?

– Думаю, стал бы уборщиком навоза.

– Ты говоришь так, словно для тебя все это действительно не имеет никакого значения!

Мальчик коснулся уха животного, остановил его и пристально взглянул на Валентина.

– Тебя вообще хоть что-нибудь волнует, Валентин? Я тебя не понимаю. То ли ты глупец, то ли просто самый беспечный человек на Маджипуре.

– Я и сам хотел бы это знать, – сказал Валентин.

У подножия гребня дорога сливалась с трактом, который шел вниз с севера и поворачивал на запад, к Пидруиду. Новая дорога, широкая и прямая, пролегла по цветущей долине, и по бокам ее стояли низкие белые памятные доски с двойным гербом понтифекса и короналя

– Лабиринтом и Горящей Звездой. Дорога, вымощенная идеально ровным, слегка пружинившим голубовато-серым материалом, была, наверное, очень древней, как и многое другое из того, что есть лучшего в этом мире.

Животные шли, не сбавляя темпа. Поскольку они были выведены искусственно, то почти не чувствовали усталости и могли без отдыха преодолеть путь от Пидруида до Пилиплока. Они не были связаны между собой, но шли вдоль края тракта точно друг за другом, почти касаясь мордами хвостов впереди идущих. Время от времени Шанамир оглядывался назад, проверяя, не отстал ли кто.

Солнце уже приняло бронзовый вечерний оттенок, и город был совсем близко.

Эта часть дороги сама по себе представляла потрясающее зрелище. С обеих сторон ее росли благородные деревья, раз в двадцать превышавшие рост человека, с гладкими стволами, одетыми темной синеватой корой, и мощными кронами блестящих зеленовато-черных листьев, острых, как кинжалы. Среди этих листьев словно маяки сияли ошеломляюще красивые гроздья красных с желтым цветов.

– Что это за деревья? – спросил Валентин.

– Огненные пальмы, – ответил Шанамир. – Пидруид славится ими. Они растут только на побережье и цветут всего одну неделю в году. Зимой с них падают кислые ягоды, из которых делают крепкое вино. Вечером попробуешь.

– Корональ выбрал подходящее время для своего прибытия.

– Я думаю, не случайно.

Двойная колоннада деревьев все тянулась, и они ехали вдоль нее, пока наконец возделанные поля вокруг не уступили место первым загородным виллам, а затем пригородным дорогам с тесно стоящими более скромными домами; им на смену пришла пыльная зона маленьких заводиков, и наконец показались древние стены самого Пидруида, рассеченные остроконечной аркой с архаичного вида бойницами.

– Врата Фалкинкипа, – возвестил Шанамир, – восточный вход в Пидруид. Мы въезжаем в столицу. Одиннадцать миллионов душ, Валентин. Здесь можно встретить все расы Маджипура, не только людей: скандаров, хьортов, лиименов и всех прочих. Говорят, есть даже меняющие форму.

– Кто это?

– Древняя раса, аборигены.

– Мы называем их как-то по-другому, – неуверенно проговорил Валентин. – Метаморфы, кажется?

– Да. Это одно и то же. Я слышал, что на востоке их называют именно так. Ты знаешь, что у тебя странный акцент?

– Не страннее твоего, приятель.

Шанамир засмеялся.

– Мне твой акцент кажется странным, а у меня его вообще нет. Ты как-то чудно выговариваешь слова. «Мы называем их метаморфами», – передразнил он. – Вот как это у тебя звучит. Так говорят в Ни-мойе?

Валентин только пожал плечами.

– Я боюсь этих меняющих форму, – продолжал Шанамир, – метаморфов. Без них планета, наверное, была бы счастливее. Шныряют вокруг, имитируют других, творят зло. По мне, пусть лучше остаются на своей территории.

– В основном они так и поступают. Или я ошибаюсь?

– В основном. Но говорят, что хотя бы несколько их живут в каждом городе. Замышляют неведомо какие пакости для всех нас.

Шанамир наклонился к Валентину, схватил его за руку и серьезно посмотрел ему в лицо.

– Их можно встретить где угодно – скажем, глядящими на Пидруид с гребня горы в жаркий полдень.

– Значит, ты считаешь меня метаморфом в другом обличье?

Мальчик хихикнул:

– Докажи, что это не так!

Валентин прикинул, каким бы способом продемонстрировать свою подлинную сущность, ничего не придумал и скорчил страшную гримасу: растянул щеки, словно они были резиновыми, свернул рот в сторону и выкатил глаза.

– Вот мое настоящее лицо, – сказал он. – Ты разоблачил меня!

Оба засмеялись и через врата Фалкинкипа въехали в Пидруид.

В самом городе все казалось еще более древним. Дома были выстроены в любопытном стиле: стены изгибались наружу и выступали над крышами, крытыми растрескавшейся, местами расколотой черепицей, поросшей сеткой сочной низкой травы, густо пробивавшейся сквозь трещины.

Над городом висел тяжелый туман, было темно и холодно. Почти в каждом окне горел свет.

Главный тракт все сужался, пока наконец не превратился в очень узкую, но все еще идеально прямую улицу, по которой Шанамир повел своих животных. От нее во все стороны отходило множество других улиц, заполненных народом.

Всякая толпа была чем-то неприятна Валентину. Он не мог вспомнить, попадал ли он когда-нибудь в окружение такого множества людей. Они почти вплотную приближались к животному, толкались и пробивали себе дорогу локтями – толпа носильщиков, торговцев, моряков, мелких разносчиков, людей с холмов, которые, подобно Шанамиру, привезли на рынок животных или продукты, путешественников в нарядных плащах с яркими вышивками и вездесущих ребятишек под ногами. Фестиваль в Пидруиде!

С верхних этажей зданий через улицу были протянуты алые полотнища, украшенные изображением Горящей Звезды и ярко-зелеными приветственными надписями по случаю приезда лорда Валентина, короналя, в самую большую западную метрополию.

– Далеко еще до твоей гостиницы? – спросил Валентин.

– Осталось пройти всего полгорода. Ты проголодался?

– Немного. Может, даже больше, чем немного.

Шанамир подал знак своим животным, и они послушно отправились в тупичок между двумя аркадами, где Шанамир их и оставил. Затем он указал Валентину на крошечную грязную палатку на другой стороне улицы.

Над горящими углями висели нанизанные на вертел сосиски. Голова приземистого продавца-лиимена больше походила на молот, рябая кожа была черно-серого цвета, а его три глаза блестели как уголь. Мальчик жестами объяснил, что им надо, и лиимен подал два вертела с сосисками и налил светло-янтарного пива.

Валентин достал толстую, яркую, сверкающую монету с зазубренным краем и положил ее на стойку. Лиимен посмотрел на нее так, словно Валентин предложил ему скорпиона.

Шанамир поспешно схватил монету, вернул ее Валентину и положил на стойку свою квадратную, медную, с треугольной дыркой в середине, после чего они ушли со своим обедом в тупичок.

– Я сделал что-то не так? – спросил Валентин.

– За твою монету можно купить самого лиимена со всеми его сосисками и месячным запасом пива! Где ты ее взял?

– В своем кошельке.

– В нем есть еще такие?

– Наверное, – пожал плечами Валентин.

Он осмотрел монету. На одной ее стороне был изображен старик, худой и морщинистый, а на другой – лицо молодое и властное. Достоинство монеты составляло пятьдесят реалов.

– Значит, она слишком ценная, чтобы ею расплачиваться? – спросил он. – Что можно на нее купить?

– Пять моих животных, – сказал Шанамир. – Целый год жить по-царски, съездить в Алханроэль и обратно. Любое из этого, а может, и еще больше. Большинству таких, как я, пришлось бы работать за нее много месяцев. Ты совсем не представляешь ценности вещей?

– Похоже, что так, – ответил Валентин, глядя вниз.

– Эти сосиски стоят десять весовых единиц. Сто весовых единиц – крона, десять крон – реал, а эта монета – пятьдесят реалов. Теперь понял? Я разменяю ее для тебя на рынке, а пока спрячь ее. Это честный город, здесь более или менее безопасно, но с кошельком, набитым такими монетами, ты искушаешь судьбу. Почему ты мне не сказал, что у тебя целое состояние? – Шанамир от волнения сильно размахивал руками. – Думаю, потому что и сам не знал об этом. Ты удивительно наивен, Валентин. Я еще мальчик, но рядом с тобой чувствую себя мужчиной. Ты вообще что-нибудь знаешь? Известно ли тебе хотя бы, сколько тебе лет? Допи-вай пиво, и поехали дальше.

Валентин кивнул. Сто весовых единиц – крона, десять крон – реал. Он задумался... Что ответить Шанамиру насчет возраста? Двадцать восемь? Тридцать два? Он не имел представления. Что, если Шанамир спросит серьезно? «Тридцать два, – решил он. – Это хорошо звучит. Да, мне тридцать два года, и десять крон – это реал, а блестящая монета, на которой изображены старик и юноша, ценится в пятьдесят реалов».

Глава 3

Дорога в гостиницу, о которой говорил Шанамир, шла напрямик через центр Пидруида, через кварталы, даже в этот поздний час заполненные толпами возбужденного народа. Валентин поинтересовался, связано ли это с визитом короналя. Нет, ответил Шанамир, в городе всегда так, поскольку он – главный порт на западном побережье Зимроэля. Отсюда корабли уходят во все главные порты Маджипура, не только вдоль побережья, но и через Внутреннее море – в далекое путешествие к Алханроэлю, занимающее большую часть года. Кроме того, ведется даже небольшая торговля с малонаселенным южным континентом, Сувраэлем, – спаленным солнцем обиталищем Короля Снов.

Когда Валентин думал обо всем Маджипуре в целом, он ощущал на себе давление всей тяжести мира, его абсолютной массы, хотя и сознавал, что думать так глупо, потому что Маджипур – свет и воздушное пространство, гигантский пузырь на планете, лишенный видимой субстанции, и человек всегда чувствует себя плавающим на поверхности. Откуда же эта свинцовая тяжесть на спине, откуда эти приступы необоснованного страха?

Он быстро взял себя в руки, и его настроение улучшилось. Скоро он ляжет спать, а завтра настанет новый чудесный день.

– Пересечем Золотую площадь, – сказал Шанамир, – и пойдем по дороге Воды, ведущей к пирсам. Наша гостиница в десяти минутах ходьбы по этой дороге. Площадь тебя ошеломит.

Так оно и случилось. Валентин увидел громадное четырехугольное пространство, достаточное для проведения учений сразу двух армий, со всех сторон окруженное величественными зданиями, широкие плоские фасады которых украшала инкрустация – потрясающие узоры из золотых листьев, так что при вечернем освещении огромные башни сверкали и отражали больше света, чем давали огненные пальмы.

Но оказалось, что сегодня пересечь площадь нельзя: в сотне шагов от восточного входа она была перегорожена толстым витым шнуром из красного плюша, а за ним стояли отряды чопорных и бесстрастных людей в зеленых с золотом камзолах – форме телохранителей короналя. Шанамир спрыгнул со спины животного и перекинулся несколькими словами с торговцем-разносчиком. Вернувшись, он угрюмо сказал:

– Все полностью загорожено. Да пошлет им Король Снов мучительный сон в эту ночь!

– Что случилось?

– Корональ расположился в главном дворце. Это самое большое здание – с зубчатыми золотыми завитками на стенах на той стороне площади. Никто не должен к нему приближаться. Мы не можем даже обогнуть площадь по внутреннему краю, потому что там собралась толпа, жаждущая хоть мельком увидеть лорда Валентина. Так что обходить придется далеко, на это уйдет час, если не больше. Ну ладно, спать – это не главное, я думаю. Смотри, вот он!

Шанамир указал на балкон высоко на фасаде главного дворца, где появились какие-то фигуры. На таком расстоянии они казались не больше мышей, но мышей роскошно одетых, обладавших чувством собственного достоинства. Фигур было пять, и центральная – наверняка корональ.

Шанамир вытянулся и встал на цыпочки, чтобы лучше видеть. Валентин сумел разглядеть немного: темноволосого человека, кажется, с бородой, в тяжелом белом меховом плаще поверх зеленого или светло-синего камзола. Корональ стоял у перил балкона, протянув руки к толпе, которая растопыренными пальцами изображала символ Горящей Звезды и снова и снова выкрикивала его имя:

– Валентин! Лорд Валентин!

Шанамир тоже кричал:

– Валентин! Лорд Валентин!

Валентин почувствовал дрожь отвращения.

– Подумать только! – бормотал он. – Вопят, словно само Божество спустилось пообедать в Пидруиде. Он же просто человек, не так ли? Когда его кишки полны, он опорожняет их, верно?

Шанамир был в шоке:

– Он корональ!

– Он для меня ничто, а я для него меньше, чем ничто.

– Он правит, следит за соблюдением справедливости, оберегает мир от хаоса. Ты сам говорил это. Разве все это не заслуживает уважения?

– Уважения – да, но не поклонения.

– В поклонении королю нет ничего нового. Мой отец рассказывал мне о старых временах. Короли были давным-давно, еще на Старой Земле, и я готов держать пари, Валентин, что им поклонялись куда более диким образом, чем сегодня.

– И одних утопили собственные рабы, других отравили их же первые министры, третьих задушили жены, были и такие, кого сверг народ, которому они якобы служили. И всякий раз, едва предав короля земле, о нем тут же забывали.

Валентин ощутил внутри странный жар злости и с отвращением сплюнул.

– А множество стран на Старой Земле обходилось вообще без королей. Зачем они нам на Маджипуре, эти экспансивные коронали, страшный старый понтифекс, прячущийся в своем Лабиринте, Король, посылающий скверные сны с Сувраэля? Нет, Шанамир, может, я и слишком глуп, чтобы понять это, но для меня это все не имеет смысла. Это безумие! Эти восторженные вопли! Спорю, что ничего подобного не происходит, когда по улицам проезжает мэр Пидруида!

– Нам необходимы короли, – настаивал Шанамир. – Этот мир слишком велик, чтобы им могли управлять только мэры. Нам нужны великие и могучие символы, монархи, почти равные богам, способные соединить все в единое целое. Смотри! – Мальчик указал на балкон. – Видишь маленькую фигурку в белом плаще? Это корональ Маджипура. Неужели ты не чувствуешь никакого трепета, когда я говорю это?

– Никакого.

– И ты не взволнован, зная, что в этом мире двадцать миллиардов людей и только один корональ и что сегодня ты видишь его собственными глазами, а больше никогда не увидишь? Ты не чувствуешь благоговения?

– Нет.

– Странный ты человек, Валентин. Я никогда не встречал такого. Как может быть, чтобы человека не трогало лицемерие короналя?

– Меня не трогает. – Валентин пожал плечами. Он и сам был немного озадачен. – Пошли отсюда. Я устал от толпы. Давай найдем гостиницу.

Путь оказался долгим, потому что почти все улицы упирались в площадь и мало какие шли в обход ее. Валентин и Шанамир двигались по все расширяющейся спирали, пытаясь придерживаться западного направления, а цепочка животных, безмятежно постукивая копытами, тащилась следом за ними.

Наконец они вышли из квартала отелей и богатых магазинов в район складов и галерей, добрались до береговой черты, а затем и до захудалой гостиницы с покосившимися черными балками и потрепанной соломенной крышей, со стойлами на заднем дворе. Шанамир устроил своих животных и пошел через двор к жилью хозяина гостиницы, оставив Валентина одного.

Ждать пришлось довольно долго. Валентину казалось, что даже здесь он неясно слышит приглушенные расстоянием крики: «Валентин... Валентин... лорд Валентин!» Но это бесконечно повторяющееся имя для него ничего не значило, потому что это имя принадлежало другому человеку.

Шанамир вернулся, легко и быстро пробежав через двор.

– Все устроено. Дай мне какую-нибудь монету.

– Пятьдесят?

– Мельче, много мельче, что-нибудь вроде полкроны.

Валентин достал монеты, рассортировал их при тусклом свете лампы и протянул несколько самых потертых Шанамиру.

– За ночлег? – спросил он.

– Взятка сторожу, – ответил Шанамир. – Спальные места сегодня трудно найти. Из-за лишнего человека придется урезать количество места для остальных, и, если кто-нибудь сосчитает всех по головам и пожалуется, именно сторож должен нас прикрыть. Иди за мной и помалкивай.

Они вошли в дом. На них пахло солоноватым воздухом и плесенью. За столом сидел жирный хворт с серым лицом, похожий на огромную жабу, и раскладывал пасьянсы. Он только поднял глаза.

Шанамир положил перед ним монеты, и хворт чуть заметно кивнул. По всей длинной узкой комнате без окон, освещенной красноватым светом трех висевших в разных местах ламп, на полу рядами лежали матрасы, и почти все они были заняты.

– Сюда, – сказал Шанамир.

Он слегка подтолкнул один матрас носком сапога, быстро снял верхнюю одежду и лег, оставив место Валентину.

– Приятного сна, – пожелал он.

– И тебе тоже.

Валентин разделся и лег рядом. Отдаленные крики все еще звучали у него в ушах, а может, ему это только казалось.

Его удивило, насколько он устал. Да, может быть, сегодня ночью и придут сны, а за ними надо внимательно следить, чтобы понять их значение. Но сначала должен был быть глубокий сон, сон совершенно изможденного человека. А утром? Новый день. Все может случиться. Все.

Глава 4

Сон, конечно, возник где-то среди ночи.

Валентин, как его учили в детстве, несколько отстранился от сна и следил за его развитием на расстоянии. Сны имели очень важное значение; это были послания правящих миром Сил, помогающие человеку строить свою жизнь; и игнорировать их можно было лишь на свой собственный страх и риск, ибо они являлись выражением глубочайшей истины. Валентин увидел себя идущим по большой пурпурной равнине под зловещим багровым небом и раздутым янтарным солнцем. Он шел один, лицо его осунулось, глаза ввалились. Земля перед ним трескивалась, открывая зияющие ярко-оранжевые щели, из которых, как чертики из коробки, выскакивали какие-то существа. Они визгливо смеялись над ним и быстро прятались в трещины, прежде чем те закрывались.

Вот и все. Незавершенный сон, поскольку он ни о чем не рассказывал, в нем не было ни конфликтов, ни решений. Это был только образ, странная сцена, кусочек большой картины, которая еще не явилась ему. Валентин даже не мог сказать, кто послал этот сон: благословенная Хозяйка с Острова Сна или злобный Король Снов.

Наполовину проснувшись, он лежал, обдумывая сон, и наконец решил не придавать ему большого значения. Он ощущал какое-то странное отдаление от своего внутреннего «я», будто он и вовсе не существовал до вчерашнего дня; даже мудрость снов теперь от него скрыта.

Он снова уснул. Ничто не тревожило его, кроме недолгого, но шумного дождя, и сны больше не приходили. Разбудил Валентина теплый золотисто-зеленый свет, лившийся через открытую дверь с дальнего конца узкого длинного холла. Шанамира не было. Кроме Валентина в комнате спали еще двое.

Валентин встал, потянулся, размял руки и ноги, оделся, умылся над раковиной у стены и вышел во двор, чувствуя себя бодрым, полным сил и готовым ко всему, что принесет ему день. Утренний воздух был плотным и влажным, но теплым и прозрачным. Ночной туман исчез. С чистого неба лился жар летнего солнца.

Во дворе росли три большие вьющиеся лозы, по одной у каждой из стен. Их искривленные стволы были больше чем в обхват толщиной, гляцевые лопатообразные листья имели глубокий бронзовый оттенок, а молодая поросль – светло-красный. Лозы были усыпаны ярко-розовыми цветами, похожими на маленькие трубы, но рядом с цветами на них висели созревающие плоды – тяжелые бело-голубые ягоды, блестящие от влаги. Валентин сорвал одну ягоду и съел. Она была сладкой, с привкусом молодого вина. Он съел вторую, потянулся было за третьей, но передумал.

Обойдя двор, Валентин заглянул в стойла и увидел животных Шанамира, спокойно жующих солому, но их хозяина не было – наверное, убежал по делам.

До Валентина донесся запах жареной рыбы, и он тут же почувствовал, что голоден, открыл распахнутую дверь и оказался в кухне, где маленький усталый человек готовил завтрак для полудюжины постояльцев различных рас. Он равнодушно взглянул на Валентина.

– Я опоздал к еде? – мягко спросил Валентин.

– Садись. Рыба и пиво. Тридцать весовых единиц.

Валентин нашел монету в полкроны и положил на плиту. Повар отсчитал несколько медяков сдачи и бросил второй кусок рыбного филе на сковородку. Валентин сел у стены. Несколько позавтракавших собрались уходить. Стройная, гибкая девушка с коротко остриженными черными волосами задержалась около Валентина:

– Пиво в этом кувшине. Обслуживай себя сам.

– Спасибо, – ответил Валентин, но она уже вышла.

Он налил полную кружку. Пиво было крепкое, с резким привкусом. Через минуту он получил зажаренную до хруста, на удивление вкусную рыбу и быстро ее съел.

– Еще, – сказал он повару.

Повар мрачно посмотрел на него, но возражать не стал.

Во время еды Валентин заметил, что сидящий за соседним столиком хьорт, толстый, с одутловатым лицом, пепельной рябой кожей и большими выпуклыми глазами, внимательно разглядывает его. Валентину это было неприятно, и через какое-то время он искоса взглянул на хьорта. Тот заморгал и быстро отвел глаза, но вскоре снова повернулся к Валентину и спросил:

– Только что прибыл?

– Ночью.

– Надолго?

– До конца фестиваля, во всяком случае.

В этом хьорте было нечто такое, что инстинктивно не нравилось Валентину. Возможно, виной всему – внешность, поскольку Валентин считал хьортов непривлекательными, грубыми и надменными созданиями. Конечно, думать так нехорошо: ведь хьорты не виноваты, что так выглядят, и люди, наверное, в свою очередь кажутся им бледными существами с отвратительно гладкой кожей.

А может быть, Валентину не нравилось вмешательство в его жизнь – пристальные взгляды, вопросы. А может, и то, что кожу хьорта украшали жирные полосы оранжевого пигмента. Так или иначе, но он вызывал у Валентина ощущение тошноты и одновременно беспокойства. Однако, устыдившись своих мыслей и не желая казаться необщительным, он заставил себя улыбнуться:

– Меня зовут Валентин. Я из Ни-мойи.

– Далеко забрался, – отозвался хьорт, шумно пережевывая пищу.

– Ты живешь неподалеку?

– Немного южнее Пидруида. Звать Виноркис. Торгую шкурами.

Он занялся своим завтраком, но через минуту снова переключил внимание на Валентина, пристально уставившись на него своими рыбьими глазами.

– Ты путешествуешь с этим мальчиком?

– Нет. Я встретил его на пути в Пидруид.

Хьорт кивнул:

– После фестиваля вернешься в Ни-мойю?

Вопросы начали надоедать Валентину, но ему все еще не хотелось показаться невежливым даже по отношению к столь навязчивому хьорту.

– Еще не знаю, – ответил он.

– Значит, думаешь остаться здесь?

Валентин пожал плечами:

– Я вообще ничего не планирую.

– М-м-м, – промычал Виноркис, – хороший образ жизни.

Из-за гнусавости хьорта трудно было понять, с одобрением он высказался или с саркастическим осуждением. Но Валентина это мало беспокоило. Решив, что все приличия соблюдены, он замолчал. У хьорта, по-видимому, хватило ума прекратить разговор. Он покончил с завтраком, со скрипом отодвинул стул и неуклюже, как все хьорты, поплелся к двери, бросив напоследок:

– Теперь – на рыночную площадь. Еще увидимся.

Валентин вышел во двор. Там шла очень странная игра. У дальней стены стояли восемь фигур и перебрасывались кинжалами. Шестеро были скандарами, крупными косматыми существами с четырьмя руками и грубой серой кожей, а двое – людьми, которых Валентин видел за

завтраком, когда вошел в кухню: стройная темноволосая девушка и худой мужчина со строгим взглядом, удивительно белой кожей и длинными белыми волосами.

Кинжалы летали с ошеломляющей быстротой, сверкая в утреннем солнце; на всех лицах было угрюмо-сосредоточенное выражение. Никто ни разу не уронил кинжал, никто не схватил его за острие, и Валентин даже не мог сосчитать, сколько же кинжалов носилось взад и вперед. Их, казалось, постоянно бросали и хватали, все руки были заняты, и все больше оружия мелькало в воздухе. Он подумал, что это жонглеры отрабатывают номер, готовясь к выступлению на фестивале.

Скандары, четырехрукие и тяжеловесные, демонстрировали невероятную ловкость, но мужчина и женщина не уступали им и жонглировали столь же искусно. Валентин стоял на безопасном расстоянии, зачарованно следя за летающими кинжалами.

Затем один из скандаров крикнул:

– Хоп!

И все перемешалось: шесть чужаков начали бросать кинжалы только друг другу, все увеличивая скорость, а двое людей отошли в сторону.

Девушка улыбнулась Валентину.

– Эй, давай с нами!

– Что?

– Сыграй с нами!

Глаза ее лукаво блеснули.

– Опасная, я бы сказал, игра.

– Все игры опасны. Лови!

Она без предупреждения бросила ему кинжал.

– Как тебя звать, парень?

– Валентин, – выдохнул он и отчаянно схватил кинжал за рукоятку, когда тот пролетал мимо его уха.

– Неплохо, – похвалил беловолосый. – А ну-ка этот!

И тоже метнул кинжал.

Валентин засмеялся, поймал его уже с большей ловкостью и встал, держа по кинжалу в каждой руке.

Скандары, совершенно не обращая внимания на эту сцену, методично продолжали обмениваться каскадом кинжалов.

– Верни бросок, – приказала девушка.

Валентин нахмурился и бросил излишне осторожно, боясь задеть ее. Кинжал описал слабую дугу и упал к ногам девушки.

– Мог бы и лучше, – усмехнулась она.

– Извини.

Другой кинжал он послал с большей силой. Она спокойно поймала его, выхватила еще один у беловолосого и метнула их один за другим Валентину. Думать было некогда – он быстро схватил оба. На лбу выступил пот, но Валентин уже вошел в ритм.

– Давай, – велела девушка.

Он бросил ей один кинжал, второй, поймал от беловолосого третий и послал его в воздух, а к нему уже летели два других.

Лучше бы они были игровыми, тупыми, но он знал, что это не так, и очень волновался. Это занятие вызывало автоматическую реакцию, заставляло его сосредоточиться и, не упуская из виду подлетающий кинжал, вовремя отправлять другой.

Валентин двигался размеренно, ловил и бросал, ловил и бросал, и все время один кинжал летел к нему, а другой – от него.

Валентин понял, что настоящий жонглер должен работать обеими руками одновременно, но он не был жонглером, так что ухитрился только скоординировать хватку и бросок, и делал это хорошо, лишь иногда гадая, скоро ли совершит неизбежный промах и будет ранен.

Жонглеры смеялись и убыстряли темп. Он тоже смеялся с ними, бросал и ловил еще добрых две или три минуты, пока не почувствовал, что от напряжения его рефлексy слабеют. Пора было остановиться.

Он хватал и намеренно ронял кинжалы, пока все три не легли у его ног, а затем наклонился над ними, хлопая себя по бедрам и тяжело дыша.

Его партнеры заплодировали.

Скандары не замедляли чудовищную скорость бросков. Но вот один из них снова крикнул:

– Хоп!

Секстет чужаков, не произнося ни слова, танцующей походкой двинулся прочь, к спальным помещениям.

Молодая женщина подошла к Валентину.

– Я – Карабелла, – представилась она.

Она была не выше Шанамира и совсем молода. В ее маленьком мускулистом теле играла неукротимая жизненная сила. Она была одета в плотно облегающий светло-зеленый камзол и брюки, на шее сверкала тройная нитка полированных раковин. Глаза ее были такими же темными, как и волосы. Она улыбалась тепло и приветливо.

– Ты раньше жонглировал, приятель? – спросила Карабелла.

– Никогда, – ответил Валентин и вытер вспотевший лоб. – Тяжелый спорт. Удивляюсь, как я не порезался.

– Никогда не жонглировал? – вскричал блондин. – Только природная ловкость и больше ничего?

– Полагаю, что именно так, – пожав плечами, кивнул Валентин.

– Возможно ли это? – удивился блондин.

– Думаю, да, – сказала Карабелла. – Он хорош, Слит, но не в форме. Ты же видел, как двигаются его руки. Чутьку нервно, чутьку жадно, они не ждут, когда рукоятка окажется в нужном месте. А его броски? Поспешные, дикие. Ни один из тех, кто когда-либо тренировался, не мог бы так легко имитировать неуклюжесть. Да и зачем? У этого Валентина хороший глаз, Слит, но он сказал правду. Он никогда не жонглировал.

– Глаз у него более чем хороший, – пробурчал Слит, – а его проворству можно позавидовать. У него дар.

– Откуда ты? – спросила Карабелла.

– С востока, – неопределенно ответил Валентин.

– Я так и думала. Ты говоришь как-то странно. Ты из Велатиса или, может быть, из Кинтора?

– Из тех краев.

Уклончивость ответов не ускользнула от Карабеллы и Слита. Они переглянулись.

Валентин подумал, не отец ли это с дочерью. Пожалуй, нет. Слит вовсе не так стар, как это казалось с первого взгляда. Скорее всего, примерно средних лет. Белизна кожи и волос увеличивала его возраст. Он был крепким, подтянутым, с тонкими губами и короткой остроконечной бородкой. От уха до подбородка шел шрам, уже бледный, но еще вполне отчетливый.

– А мы с юга, – сказала Карабелла. – Я из Тил-омона, а Слит из Нарабалы.

– Вы приехали выступить на фестивале короналя?

– Именно. Нас только что нанял в свою труппу скандар Залзан Кавол – во исполнение недавнего указа короналя относительно найма людей. А ты? Что привело тебя в Пидруид?

– Фестиваль.

– Хочешь найти работу?

– Просто посмотреть на игры и парад.

Слит понимающе засмеялся.

– Не стесняйся нас, друг. Нет ничего дурного в том, чтобы продавать животных на рынке. Мы видели, как ты приехал с мальчиком прошлой ночью.

– Нет, я только вчера познакомился с юным погонщиком, когда подходил к городу. Это его животные. Я просто пришел с ним в гостиницу, потому что я здесь чужой. У меня нет никакого товара.

В дверях показался один из скандаров – гигантского роста, раза в полтора выше Валентина, страшно неуклюжий, с тяжелой челюстью и узкими желтыми глазами. Его четыре руки свисали до самых коленей, кисти походили на громадные корзины.

– Идите в дом! – резко крикнул он.

Слит поклонился и поспешил туда. Карабелла помедлила, улыбаясь Валентину.

– Ты очень странный, – сказала она. – Ты не врешь, но и правды не говоришь. Я думаю, ты и сам мало что знаешь о собственной душе. Но ты мне нравишься. От тебя исходит свет, ты знаешь это, Валентин? Свет невинности, простоты, тепла и еще чего-то – не пойму. – Она почти робко коснулась двумя пальцами его руки. – Да, ты мне нравишься. Может быть, мы еще будем жонглировать.

И побежала за Слитом.

Глава 5

Валентин был один. Шанамир куда-то исчез.

Он очень хотел бы провести день с жонглерами и с Карабеллой, но надеяться на это не приходилось. У него не было никаких планов, и это смущало его, но не слишком, ведь он мог осмотреть совершенно незнакомый ему Пидруид.

Валентин отправился бродить по извилистым улицам, полным зелени. Пышные лианы и деревья с толстыми поникшими ветвями росли повсюду, радуясь влажному теплу. Издалека доносились звуки музыки, если так можно назвать эту странную, не самую приятную мелодию, – возможно, шла подготовка к большому параду. Ручеек пенлившейся воды бежал по сточной канаве, где резвилась дикая живность Пидруида – минтоны, чесоточные собаки и маленькие шипоносные дроли.

В этом перенаселенном городе все и вся – даже бездомные животные – имели какие-то важные дела и торопились их сделать. Все, кроме Валентина, который шел бесцельно, не выбирая дороги. Он останавливался, чтобы заглянуть то в какую-нибудь темную лавочку с грудami отрезков и гирляндами образцов ткани, то в какой-то заплесневелый склад пряностей, то в зажатый между двумя высокими узкими зданиями ухоженный, элегантный сад с цветами всевозможных оттенков. Прохожие глядели на него как на чудо, потому что он мог позволить себе роскошь прогуливаться без дела.

На одной из улиц он остановился посмотреть на детей, разыгрывавших что-то вроде пантомимы. Мальчик с полоской ткани золотистого цвета на лбу стоял в центре и делал угрожающие жесты, а остальные танцевали вокруг него, делая вид, что боятся, и пели:

Старый Король Снов
На троне своем сидит —
Он никогда не спит,
Громких не любит слов.
Если кто-нибудь день
Неправедно проведет,
Старый Король во сне
Страх на него найдет.
Неумолим и суров,
С сердцем-камнем в груди,
За каждым из нас следит
Старый Король Снов.

Заметив, что Валентин за ними наблюдает, дети повернулись к нему и принялись отчаянно жестикулировать, гримасничать, поднимать руки и указывать на него. Он засмеялся и пошел дальше.

К середине утра он пришел в порт.

Длинные пирсы выдавались далеко в гавань, и все здесь, казалось, бурлило и кипело. Докеры четырех или пяти рас разгружали корабли, пришедшие из двадцати портов всех трех континентов. Работы было столько, что для перетаскивания тюков с товарами на пристань, а оттуда на склады нанимали временных рабочих. Шум стоял жуткий, а когда приходилось перемещать особенно крупные тюки, совершались поистине головокружительные маневры. Валентин следил за всем этим с пристани, когда вдруг почувствовал резкий удар между лопатками. Обернувшись, он увидел толстомордого темпераментного хьорта, размахивавшего руками и показывавшего на пирс.

– Давай туда, – приказал он. – Нам нужно еще шестерых для разгрузки корабля из Суврэля!

– Но я не...

– Быстро! Пошевеливайся!

Ладно. Валентин не был расположен спорить. Он пошел на пирс и присоединился к грузчикам, которые ревели и рычали, спуская вниз живой груз – скот. Валентин тоже ревел и рычал с ними до тех пор, пока животные, длинномордые годовалые блявы, не оказались на пути к скотным дворам или к бойням. Затем он быстро ускользнул и двинулся по набережной к пустому пирсу.

Там он постоял несколько минут прищурившись, глядя через гавань на бронзово-зеленый, белопенный океан, словно пытался разглядеть за горизонтом Алханроэль и его Горный замок, поднявшийся к небесам.

Разумеется, Алханроэль не был виден. Его отделяли десятки тысяч миль океана, такого широкого, что между берегами двух континентов некоторые из планет могли бы разместиться целиком.

Валентин взглянул под ноги, гадая, что лежит на той стороне планеты, если смотреть по прямой, и решил, что, наверное, западная половина Алханроэля. География представлялась ему наукой туманной и запутанной. Ему казалось, что он забыл очень многое из того, что учил в школе, и хотелось вспомнить хоть что-нибудь.

Возможно, он теперь находился как раз диаметрально против страшного Лабиринта, убежища понтифекса – старого и скрытного Великого монарха. А может быть, и это тоже вероятно, прямо под ногами Валентина лежит Остров Сна, где живут ласковая Хозяйка и ее вечно поющие жрецы и жрицы, что отправляют благословенные послания всем спящим мира.

Валентин с трудом мог поверить, что такие места существуют, что в мире есть такие персонажи и такие Силы, как понтифекс, Повелительница Снов, Король Снов и даже корональ, хотя он, Валентин, лишь несколько часов назад видел короналя своими глазами. Эти властители казались мифическими. Реальностью были доки Пидруида, гостиница, где Валентин спал, жареная рыба, жонглеры, мальчик Шанамир и его животные, а все остальное – фантазия, мираж.

Стало жарко и душно, хотя с моря дул приятный ветерок. Валентин опять проголодался. На краю набережной он за пару медяков купил полоски голубой рыбы, маринованной в горячем пряном соусе, а запил ее чашей огненного вина поразительно золотистого цвета и на вкус более обжигающего, чем острый соус. Затем он решил вернуться в гостиницу, но обнаружил, что не помнит ни названия гостиницы, ни улицы и знает лишь, что это недалеко от портового квартала. Невелика потеря, если и не удастся найти гостиницу: все его имущество при нем. Но Валентин никого не знал в Пидруиде, кроме Шанамира и жонглеров, и ему не хотелось так скоро расстаться с ними.

Он пошел обратно и быстро запутался в лабиринте одинаковых улочек и переулков, пересекавших дорогу Воды.

Он три раза набредал на гостиницы, но каждый раз, подходя ближе, убеждался, что пришел не туда. Время шло, было уже, наверное, часа два дня, и Валентин понял, что все его поиски напрасны. Ему стало грустно, когда он подумал о Карабелле, о прикосновении ее пальцев, о ловкости ее рук, когда она бросала ножи, о блеске ее темных глаз. «Но что пропало, то пропало, – утешал себя он. – И что пользы оплакивать потерянное? Придется искать новую гостиницу и новых друзей, пока не стемнело».

Он повернул за угол и оказался на рынке.

Это было обширное огороженное пространство, почти столь же громадное, как и Золотая площадь, только здесь стояли не дворцы с башнями и отели с золочеными фасадами, а лишь бесконечные ряды крытых черепицей навесов, открытых скотных дворов и лавчонок. Здесь

скопились все ароматы и все зловоние мира и была выставлена для продажи половина существующих на свете товаров.

Под навесами на громадных крюках висели туши. Другие участки занимали мешки с пряностями. В одном загоне стояли поразительные птицы-прядильщики, возвышавшиеся над скандарами на своих несуразных ярких ногах. Они клевали и лягали друг друга, в то время как вокруг них спорили торговцы яйцами и шерстью. Рядом сверкали емкости с блестящими змеями, свисавшими и извивавшимися, как потоки злобного пламени. Поодаль продавались выпотрошенные морские драконы, сваленные в дурно пахнущие кучи.

Вот место для общественных писцов, которые писали за неграмотных, а тут – менялы, быстро обменивавшие деньги дюжины миров, а здесь – ряд совершенно одинаковых ларьков с сосисками, и в каждом похожие друг на друга лиимены крутят вертела над дымящимися углями.

Тут были и предсказатели судьбы, и колдуны, и жонглеры – только не те, кого знал Валентин, – и сидевшие на корточках рассказчики, за несколько медяков повествовавшие о сложных и малопонятных приключениях жившего восемь тысяч лет назад лорда Стиамота, знаменитого короналя, чьи деяния стали уже мифом. Валентин послушал минут пять, однако так и не уловил смысл рассказа, который приводил в такое восхищение пятнадцать или двадцать бездельников.

Он пошел дальше – мимо балаганчика, где золотоглазый вруун наигрывал на серебряной флейте нехитрую мелодию, чтобы очаровать какое-то трехголовое существо в плетеной корзинке, мимо ухмылявшегося мальчишки лет десяти, зазывавшего его играть в раковины и бусы, мимо ряда разносчиков, продававших флаги с изображением Горящей Звезды короналя, мимо факира, подвешенного над чаном с каким-то мерзким горячим маслом, мимо ряда толкователей снов, мимо прохода, забитого продавцами лекарств, мимо места переводчиков, мимо продавцов драгоценностей и, наконец, повернув за угол, где торговали всевозможной одеждой, дошел до скотного двора, где продавали верховых животных.

Сотни, если не тысячи сильных пурпурных животных спокойно стояли бок о бок, равнодушно взирая на все, что происходило вокруг.

Здесь было что-то вроде аукциона, но Валентин скоро понял, что разобраться в его ходе так же трудно, как в легенде о лорде Стиамоте. Продавцы и покупатели стояли двумя длинными рядами лицом друг к другу, рубили ребром ладони по запястьям, гримасничали, постукивали сжатыми кулаками и делали внезапный рывок локтем назад. Не произносилось ни одного слова, однако общение, и активное, явно шло, потому что писцы, стоявшие позади рядов, все время составляли акты продажи. Запись подтверждалась отпечатком пальца, окунутого в зеленые чернила, и торопливые клерки привязывали бирку с печатью Лабиринта понтифекса к бедру то одного, то другого животного.

Двигаясь вдоль линии аукциона, Валентин наконец наткнулся на Шанамира, который яростно стучал кулаками, дергал локтями и рубил покупателя по запястью. Через минуту все было кончено, и мальчик выскочил из ряда с радостными воплями. Он схватил Валентина за руку и в восторге завертелся вокруг него.

– Все продал! Все продал! И за высокую цену!

Он держал пачку расписок, выданных ему писцом.

– Пойдем со мной в казначейство, а потом нам останется только играть! Ты поздно встал?

– Наверное, поздно. Гостиница была почти пуста.

– Я пожалел тебя и не стал будить. Ты храпел, как блав. Что ты сегодня делал?

– Главным образом осматривал порт. Я пытался вернуться в гостиницу и случайно вышел на рыночную площадь. Мне повезло, что я набрел на тебя.

– Еще десять минут – и ты потерял бы меня навеки, – сказал Шанамир. – Вот сюда.

Он сжал запястье Валентина и потянул его к высокой светлой аркаде, где клерки за решеткой меняли расписки на деньги.

– Давай твои полсотни, – шепнул он. – Я здесь их разменяю.

Валентин отдал толстую блестящую монету и отошел в сторону, а мальчик встал в очередь. Через несколько минут Шанамир вернулся.

– Это твои, – сказал он и высыпал в раскрытый кошелек Валентина целый ливень монет – несколько по пять реалов и множество крон. – А это мои, – добавил он, лукаво улыбаясь и показывая три большие монеты по пятьдесят реалов, вроде той, которую он только что разменял для Валентина. Их он спрятал в пояс под камзолом. – Выгодное путешествие! Во время фестиваля все с легкостью тратят свои деньги. Пошли! Вернемся в гостиницу и отпразднуем это флягой огненного вина, а? За мой счет!

Гостиница, как оказалось, была всего в пятнадцати минутах ходьбы от рынка. Как только они вышли на ту улицу, Валентин сразу узнал ее. Он подозревал, что в своих бесплодных поисках прошел мимо нее. Но теперь это было неважно – он здесь, а Шанамир рядом. Мальчик обрел свободу, избавившись от своих животных, и радовался полученной за них цене. Он болтал о том, что собирается делать в Пидруиде, прежде чем вернется домой. Программа была насыщенной: танцы, игры, выпивка, представления.

Когда они сидели в таверне, попивая вино за счет Шанамира, появились Слит и Карабелла.

– Можно присоединиться к вам? – спросил Слит.

– Это жонглеры из труппы скандаров, которая будет участвовать в параде, – объяснил Валентин Шанамиру. – Я познакомился с ними утром.

Он представил их друг другу. Жонглеры сели, и Шанамир предложил им вина.

– Ты был на рынке? – обратился к нему Слит.

– Был и все продал за хорошую цену.

– А теперь что? – поинтересовалась Карабелла.

– Побуду несколько дней на фестивале, – ответил мальчик, – а потом, наверное, домой, в Фалкинкип.

Он чуточку приуныл, подумав об этом.

– А ты? – Карабелла взглянула на Валентина. – Какие у тебя планы?

– Посмотреть фестиваль.

– А потом?

– Там видно будет.

Вино закончилось. Слит резко махнул рукой, и появилась вторая фляжка. Ее щедро разлили по кругу. Валентин почувствовал покалывание в языке от жгучей жидкости и легкое головокружение.

– А ты не хотел бы стать жонглером и войти в нашу труппу? – спросила Карабелла.

Валентин даже испугался:

– Я не умею!

– У тебя природные способности, – возразил Слит, – только нет навыка. Это мы с Карабеллой берем на себя. Ты быстро научишься, могу поклясться.

– Я буду путешествовать с вами, вести жизнь бродячего артиста и ходить из города в город?

– Точно.

Валентин взглянул через стол на Шанамира. Глаза мальчика сияли, и Валентин почти физически ощутил его возбуждение и зависть.

– Но с какой стати? – спросил он. – Зачем приглашать чужеземца, новичка?

Карабелла сделала знак Слиту, и тот быстро вышел из-за стола.

– Залзан Кавол объяснит, – сказала она. – Это не каприз, а необходимость. Нам не хватает рук, Валентин, и ты нам нужен. К тому же тебе все равно нечего делать. Ты, кажется, в этом городе случайно. Мы предлагаем тебе сотрудничество и заработок.

Через минуту Слит вернулся с гигантом-скандаром. Массивная, высоченная фигура Залзана Кавола внушала почтение. Он с трудом поместился за столом, и сиденье под ним угрожающе затрещало.

Скандары пришли из какого-то далекого, продуваемого ветром ледяного мира и, хотя они жили на Маджипуре уже тысячи лет, выполняя тяжелые работы, требовавшие большой силы и необычайной быстроты реакции, в теплом климате Маджипура всегда выглядели злобными и недовольными. Может быть, все дело в природных чертах их лиц, думал Валентин, но тем не менее считал скандаров неприятным и мрачным племенем.

Скандар налил себе вина двумя внутренними руками, а другую пару рук раскинул через стол, словно хотел обхватить его и придвинуть к себе.

– Я видел, как ты утром кидал ножи со Слитом и Карабеллой, – произнес он грубым громовым голосом. – Ты можешь нам пригодиться.

– Каким образом?

– Мне нужен третий жонглер-человек, и быстро. Ты знаешь, что новый корональ издал недавно указ о выступающих на публике?

Валентин улыбнулся и пожал плечами.

– Это глупо и бессмысленно, – сказал Залзан Кавол, – но корональ молод и, я думаю, пускает стрелы куда попало. Был указ, что во всех артистических труппах, состоящих более чем из трех индивидуумов, одну треть должны представлять граждане Маджипура человеческой расы. Указ вступает в силу уже в этом месяце.

– Такой указ, – вмешалась Карабелла, – не даст ничего, кроме межрасовой вражды на планете, где все расы тысячелетиями жили мирно.

Залзан Кавол нахмурился:

– Тем не менее указ существует. Наверное, какие-нибудь шакалы в Замке напели этому лорду Валентину, что другие расы слишком многочисленны, что люди Маджипура голодают, когда мы работаем. Глупость, и глупость опасная. В обычное время никто и внимания не обратил бы на такой указ, но тут фестиваль в честь короналя, и, если мы хотим, чтобы нам разрешили выступать, мы должны подчиниться правилам, пусть даже идиотским. Я и мои братья много лет зарабатываем на хлеб жонглерством, и это не вредило ни одному человеку, но теперь мы должны пополнить труппу. Я нашел в Пидруиде Слита и Карабеллу и включил их в нашу программу. Сегодня второй день. Через четыре дня мы выступаем на параде, и мне нужен третий человек. Хочешь стать нашим учеником, Валентин?

– Но смогу ли я научиться жонглировать за четыре дня?

– Ты будешь просто учеником, – ответил скандар. – Мы подберем тебе какой-нибудь жонглерский номер для парада, чтобы ты не осрамил ни себя, ни нас. Насколько я понимаю, закон не требует, чтобы все члены труппы одинаково владели мастерством. Главное, чтобы трое были людьми.

– А после фестиваля?

– Пойдешь с нами из города в город.

– Вы обо мне ничего не знаете, а приглашаете меня разделить вашу жизнь.

– Я ничего о тебе не знаю и не хочу знать. Мне нужен жонглер твоей расы. Я буду оплачивать твой ночлег и стол там, куда мы придем, и, кроме того, платить тебе десять крон в неделю. Согласен?

Глаза Карабеллы странно вспыхнули, как будто она хотела сказать: «Ты можешь попросить и получить вдвое больше, Валентин». Но деньги для него мало значили. Ему достаточно иметь пищу и место для сна. Он будет рядом со Слитом и Карабеллой – с двумя из троих

людей, которых он знал в этом городе и – как он с некоторым смущением признался себе – во всем мире. Потому что прошлого у него не было. Лишь какие-то смутные воспоминания о родителях, о кузенах и сестрах, о детстве где-то на востоке Зимроэля, о школе и путешествиях – но ничто из этого не казалось ему реальным, ничто не имело плоти и сути. И в будущем его тоже ждала пустота. Эти жонглеры обещали наполнить ее. Но только...

– Одно условие, – сказал он.

– Какое? – спросил Залзан Кавол с недовольным видом.

Валентин кивнул на Шанамира.

– Я думаю, этому парнишке надоело разводить животных в Фалкинкипе и он наверняка мечтает о путешествиях. Я прошу, чтобы ты принял его в свою труппу как...

– Валентин! – вскричал мальчик.

– ...как грума или слугу или даже как жонглера, если у него получится, – продолжил Валентин. – Если он хочет быть с нами, прими его вместе со мной. Примешь?

Залзан Кавол помолчал, как бы прикидывая, и откуда-то из глубин его громоздкого тела вырвался едва слышный рычащий звук. Затем он спросил Шанамира:

– Тебя это сколько-нибудь интересует, парень?

– Меня-то? Еще бы!

– Этого я и боялся, – угрюмо пробурчал скандар. – Значит, решено. Мы нанимаем вас обоих за тринадцать крон в неделю плюс ночлег и пища. Идет?

– Идет, – ответил Валентин.

– Идет! – вскричал Шанамир.

Залзан Кавол проглотил остатки огненного вина.

– Слит, Карабелла, ведите этого иноземца во двор и начинайте делать из него жонглера. А ты, парень, пойдешь со мной. Я хочу, чтобы ты посмотрел на наших животных.

Глава 6

Они вышли. Карабелла побежала за снаряжением. Валентин любовался ее изящными движениями и представлял, как играют под одеждой гибкие мышцы. Слит сорвал голубовато-белую ягоду с какой-то лозы и кинул ее в рот.

– Что это? – спросил Валентин.

Слит бросил ему ягоду.

– Токка. В Нарабале, откуда я родом, лоза токки прорастает за одно утро и к вечеру достигает высоты дома. Правда, в Нарабале благодатная почва и каждый день на заре идут дожди. Еще?

– Если можно.

Быстрым, еле заметным движением кисти Слит бросил ягоду. Он был поджарым человеком, без единой унции лишней плоти, с точными движениями, с сухим, хорошо поставленным голосом.

– Жуй семена, – посоветовал он. – Они усиливают мужественность. – И слегка усмехнулся.

Карабелла вернулась с множеством разноцветных резиновых мячей, которыми она жонглировала по дороге, не сбиваясь с шага. Она кинула один мяч Валентину, три – Слиту, а три оставила себе.

– Не ножи? – удивился Валентин.

– Ножи для выступления. А сегодня мы займемся основами, – ответил Слит, – философией искусства. Ножи будут отвлекать.

– Как это – философией?

– Ты думаешь, что жонглирование – просто трюк? – обиженно спросил маленький человек. – Развлечение для зевак? Средство заработать пару крон на провинциальном карнавале? Все это так, но прежде всего это образ жизни, друг мой, кредо, объект поклонения.

– И своего рода поэзия, – добавила Карабелла.

Слит кивнул.

– Да, и поэзия тоже, и математика. Жонглирование учит расчету, контролю, равновесию, осознанию положения вещей и основам структуры движения. Тут есть беззвучная музыка. Но превыше всего – дисциплина. Я говорю слишком высокопарно?

– Может, это звучит и высокопарно, – сказала Карабелла, – но все, что он сказал, – правда. – Она озорно блеснула глазами: – Ты готов начать?

Валентин кивнул.

– Сначала успокойся, – начал урок Слит, – очисти мозг от всех ненужных мыслей и расчетов. Войди в центр своего существа и заставь себя оставаться там.

Валентин принял устойчивую позу, трижды глубоко вздохнул, расслабил плечи, чтобы не чувствовать своих болтавшихся рук, и прислушался к себе.

– Я думаю, – сказала Карабелла, – что этот человек живет большую часть времени в центре своего «я». А может, у него нет центра и поэтому он не может отойти далеко?

– Ты готов? – спросил Слит.

– Готов.

– Мы будем учить тебя основам постепенно, каждый раз по чуть-чуть. Жонглирование – это множество отдельных, быстро сменяющихся в определенной последовательности мелких движений, что создает впечатление постоянства и одновременности, единого потока. Одновременность – иллюзия, приятель, когда ты жонглируешь и даже когда не жонглируешь. Все события происходят по очереди.

Слит холодно улыбнулся. Казалось, что он говорил с расстояния в десятки тысяч миль.

– Закрой глаза, Валентин. Ориентация в пространстве и времени очень важна. Думай, где ты находишься и каково твое положение относительно мира.

Перед мысленным взором Валентина возник Маджипур, могучий шар, висящий в пространстве. Половина его, если не больше, поглощена Великим океаном. Валентин представил себя, крепко стоящего на краю Зимроэля. Позади была вода, а перед ним развернулся континент, и на поверхности Внутреннего моря виднелась точка – Остров Сна, а дальше – Алханроэль, и громадная выпуклость Горного замка, и солнце, желтое с бронзово-зеленым оттенком, посылающее испепеляющие лучи на пыльный Сувраэль и на тропики и греющее все остальное, и луны где-то далеко, и еще дальше – звезды и другие миры, те миры, откуда пришли скандары, хьорты, лиимены и все прочие, и даже тот мир, откуда эмигрировал народ Валентина четырнадцать тысяч лет назад, – Старая Земля, маленькая голубая планета, невероятно крохотная по сравнению с Маджипуром. Она очень далеко, где-то на другом конце Вселенной, и почти забыта всеми.

Валентин отстранился от звезд и вернулся обратно в этот мир, на этот континент, в этот город, в эту гостиницу, в этот двор, на этот маленький клочок влажной плодородной земли, в которой утопали его сапоги, и сказал Слиту, что готов.

Слит и Карабелла стояли, согнув руки, прижав локти к бокам, раскрыв ладони, в правой держа мячи. Валентин принял такую же позу.

– Представь, – сказал Слит, – что у тебя в руках поднос с драгоценными камнями. Если ты будешь двигать плечами или локтями, поднимать или опускать кисти рук, камни рассыплются. Понятно? Секрет жонглирования состоит в том, чтобы тело оставалось почти неподвижным. Двигаются вещи, и ты управляешь ими, но при этом сам почти не шевелишься.

Мяч Слита неожиданно перелетел из правой руки в левую, хотя в теле Слита не было даже намека на движение. Мяч Карабеллы сделал то же. Валентин, подражая им, перебросил мяч из одной руки в другую, чувствуя усилие и движение.

Карабелла пояснила:

– Слишком активно пользуешься запястьем и локтем тоже. Раскрой ладонь, расставь пальцы. Ты выпускаешь пойманную птицу. Так. Рука раскрыта – птица летит вверх.

– Запястье совсем не работает? – спросил Валентин.

– Чуть-чуть и незаметно. Толчок исходит от ладони. Вот так.

Валентин попробовал. Едва ощутимые движения предплечья вверх, мимолетное сжатие запястья, толчок центром ладони и из центра самого существа Валентина. Мяч перелетел в согнутую левую ладонь.

– Так, – кивнул Слит. – Еще раз.

Еще раз, и еще, и еще... Пятнадцать минут все трое перекидывали мячи из одной руки в другую. Они заставляли Валентина посылать мяч по почти неизменной дуге перед лицом и не позволяли ни поднимать, ни поворачивать голову, чтобы следить за мячом. Руки ждут, мяч летает. Через какое-то время Валентин стал делать это автоматически.

Из стойл вышел Шанамир и ошеломленно уставился на целеустремленные полеты мячей, а затем поплелся прочь.

Валентин не останавливался. Пусть это перебрасывание одного мяча мало походило на жонглирование, но сейчас для него и это было событием, которое поглотило его целиком.

Потом он заметил, что Слит и Карабелла остановились, что он продолжает один и действует как машина.

– Лови! – крикнул Слит и бросил ему только что сорванную ягоду токки.

Валентин поймал ее в промежутке между бросками мяча и держал, как бы в раздумье, не следует ли жонглировать и ею, но Слит жестом пояснил, что ягоду нужно съесть – это его награда, премия.

Карабелла бросила ему второй мяч в левую руку, а следом третий – в правую.

– У тебя большие руки, – сказала она, – тебе будет легко. Следи за мной и делай, как я.

Она стала перебрасывать мяч из руки в руку, ловя его в корзинку, составленную из трех пальцев, и держа по мячу в центре каждой ладони. Валентин стал подражать ей. Хватать мяч занятой ладонью было труднее, чем пустой, но ненамного, и скоро он перестал ошибаться.

– Теперь, – продолжил обучение Слит, – начнется само искусство. Мы делаем обмен. Так.

Один мяч пролетел по дуге на уровне лица из правой руки Слита в левую. Пока мяч летел, Слит приготовил ему место в левой руке, перебросив мяч, который был в ней, по более низкой дуге под летящим мячом в правую руку. Маневр казался довольно простым – быстрый взаимный переброс, но когда Валентин попытался это сделать, мячи столкнулись и разлетелись в стороны. Карабелла с улыбкой поймала их и вернула Валентину.

Он попытался еще раз, но с тем же результатом, и Карабелла показала ему, как бросить первый мяч, чтобы он упал на дальнюю сторону левой ладони, в то время как другой мяч пойдет внутри траектории первого, когда его бросают вправо. Валентин сделал несколько попыток. Он несколько раз промахнулся, хватая мяч, а глаза его при этом разбегались. Слит тем временем выполнял обмен за обменом, а Карабелла натаскивала Валентина в двойном броске. Казалось, это длилось часами, а может, так оно и было.

Когда Валентин наконец усвоил урок, он сначала почувствовал усталость, но ей на смену пришло состояние полной гармонии и сознание, что мог бы бросать мячи целый месяц подряд, не утомляясь и не роняя ни одного.

Вдруг он заметил, что Слит жонглирует всеми тремя мячами сразу.

– Давай и ты, – предложила Карабелла. – Это только кажется невозможным.

Легкость, с которой Валентин выполнил трюк, удивила не только его самого, но и Слита с Карабеллой; она захлопала в ладоши, а Слит, не нарушая ритма, одобрительно хмыкнул.

Валентин интуитивно бросил третий мяч, пока второй летел из левой руки в правую. Он схватил второй и снова бросил, а дальше так и пошло: бросок, захват, бросок, захват. Один мяч все время поднимался по дуге, другой опускался в готовую принять его руку, а третий ожидал броска.

Валентин сделал три, четыре, пять чередований, прежде чем осознал сложность того, что делал. Как только это произошло, ритм его движений тут же нарушился, мячи столкнулись и покатались по земле.

– У тебя талант, – пробормотал Слит, – явный талант.

Валентин был смущен из-за ошибки, но падение мячей не имело никакого значения по сравнению с тем, что он сумел с первой попытки жонглировать сразу тремя предметами. Он подобрал их и начал снова. Стоявший напротив Слит, не прерываясь, продолжал серию бросков.

Подражая стойке и движениям Слита, Валентин начал бросать, сразу же уронил два мяча, поднял, бормоча извинения, начал снова и на этот раз уже не останавливался.

Пять, шесть, семь чередований, десять... Вскоре он сбился со счета, ибо то, что он делал, было уже не чередованием, а бесконечным процессом. Его сознание словно раздвоилось: одна половина следила за точностью и аккуратностью бросков и захватов, а другая управляла взлетом и падением мячей и быстро рассчитывала скорость, угол и темп спуска. Оценивающая часть его мозга тут же передавала информацию другой части, управлявшей бросками и захватами. Время, казалось, делилось на бесконечно малые отрезки, однако же, как ни парадоксально, он не чувствовал их последовательности. Три мяча как бы замерли на своих местах: один все время в воздухе, два других – в руках, и хотя каждый миг эти положения занимали разные мячи, это уже было неважно.

Каждый мяч был всеми сразу, время как бы исчезло. Валентин не двигался, не бросал, не ловил, он только наблюдал за потоком, застывшим вне времени и пространства. Теперь Валентин понял секрет искусства. Своим расщепленным сознанием он вступил в бесконечность и

объединил ее. Он шел к внутренней природе движения и понял, что движение – иллюзия, а последовательность – ошибка восприятия. Руки его действовали в настоящем, глаза изучали будущее, и в то же время не существовало ничего, кроме настоящего момента.

Дух Валентина устремился к высотам экзальтации, и едва заметная вспышка в раздвоенном сознании позволила ему почувствовать, что он более не стоит на месте, а каким-то образом движется вперед, что вращающиеся по орбите мячи чуть отдалились от него и магически притягивают к себе. С каждой серией бросков они отступали все дальше через двор, и он теперь снова ощущал, что это серийность, а не бесконечный, безостановочный процесс. Ему приходилось двигаться все быстрее, чтобы не упустить их, и в конце концов, пошатываясь и кренясь, он буквально бежал вокруг двора. Слит и Карабелла отскочили в стороны. Наконец мячи совершенно вышли из повиновения и, несмотря на сделанный им последний отчаянный рывок, запрыгали в разные стороны.

Валентин, задохнувшись, упал на колени. Он услышал смех своих инструкторов и тоже засмеялся:

– Что случилось? Я начал так хорошо, а затем... Затем...

– Мелкие ошибки накапливаются, – объяснила Карабелла. – Ты увлекся и бросил мяч чуть-чуть неправильно, потянулся вперед, чтобы поймать его, и в результате следующий бросок был еще более неправильным, и так шло до тех пор, пока мячи не отошли от тебя. Ты стал охотиться за ними, но в конце концов преследование стало невозможным. Такое случается поначалу со всеми. Не переживай.

– Подними мячи, – сказал Слит. – Через четыре дня ты будешь жонглировать перед королем.

Глава 7

Он тренировался часами, работая всего с тремя мячами, но делал это до тех пор, пока раз десять не проник в бесконечность, переходя от скуки к экстазу и обратно к скуке, так что сама скука стала экстазом. Одежда его промокла от пота и прилипла к телу. Даже когда пошел обычный для Пидруида недолгий и слабый дождь, Валентин не прекратил перекидывать мячи. Дождь кончился, а вместе с ним кончился и день. Вечернее солнце закрыл легкий туман. А Валентин все продолжал жонглировать. Безумный ритм заворожил его. Краем глаза он смутно видел, что по двору постоянно двигаются какие-то фигуры: Слит, Карабелла, скандары, Шанамир, приходившие и уходившие незнакомцы, – но не обращал на них внимания.

Он ощущал себя пустым сосудом, который заполнялся этим искусством, этой тайной, и не смел остановиться, боясь, что потеряет это и снова опустошится.

Затем кто-то подошел к нему, и вдруг оказалось, что в руках ничего нет. Слит перехватил мячи один за другим, когда они пролетали в воздухе. Какое-то время руки Валентина еще продолжали двигаться в заданном ритме, а глаза оставались сфокусированными на плоскости, через которую пролетали мячи.

– Выпей это, – мягко предложила Карабелла.

Она поднесла к его губам стакан с огненным вином.

Валентин выпил его, как воду. Карабелла подала второй стакан.

– У тебя изумительный дар, – сказала она. – Не только координации, но и сосредоточенности. Мы даже немного испугались, когда увидели, что ты не можешь остановиться.

– В Звездный день ты будешь лучшим из нас, – подхватил Слит. – И удостоишься похвалы самого короля. Эй, Залзан Кавол, что скажешь?

– Я скажу, что он весь мокрый и ему надо переодеться, – прогремел скандар. Он протянул Слиту несколько монет. – Сходи на базар и купи ему подходящую одежду, пока палатки не закрылись. Карабелла, отведи его в очиститель. Через полчаса будем есть.

– Пойдем, – позвала Карабелла.

Она провела все еще не пришедшего в себя Валентина через двор и спальни. К боковой стене здания был пристроен открытый сверху очиститель.

– Вот животное! – сердито ворчала она. – Не сказал тебе ни словечка похвалы. Я знаю, хвалить вообще не в его привычках, но ты произвел на него впечатление.

– На Залзана Кавола?

– Да. Он был поражен. Но разве он может хвалить человека? У тебя всего две руки! Да и вообще, он никому доброго слова не скажет. Сюда. Раздевайся.

Она быстро разделась, и он сделал то же, бросив мокрую одежду на землю. Увидев в ярком лунном свете наготу Карабеллы, он замер от восхищения. Тело ее было стройным, гибким, почти мальчишеским, если не считать маленьких округлых грудей и неожиданной выпуклости бедер ниже узкой талии. Под кожей просматривались хорошо развитые мускулы. На крепкой ягодице красовалась татуировка: красно-зеленый цветок.

Она подвела Валентина под очиститель, и они стояли рядом, пока вибрация снимала с них пот и грязь. Не одеваясь, они вернулись в спальни, где Карабелла достала для себя чистые брюки из мягкой серой ткани и камзол. Вскоре вернулся Слит с базара и принес Валентину новую одежду: темно-зеленый камзол с алой отделкой, плотные красные брюки и темно-синий, почти черный, легкий плащ. Этот костюм был куда более элегантным, чем тот, который Валентин носил прежде. Надев его, он почувствовал себя как бы выше рангом и нарочито важной поступью направился вслед за Слитом и Карабеллой в кухню.

На обед было тушеное мясо неизвестного происхождения (Валентин не осмелился спросить какого), обильно смоченное огненным вином. Шесть скандаров сели за один конец стола,

а четыре человека – за другой. Ели молча. Насытившись, Залзан Кавол и его братья встали, по-прежнему не говоря ни слова, и вышли.

– Мы их чем-нибудь обидели? – спросил Валентин.

– Это их обычная вежливость, – ответила Карабелла.

Хьорт Виноркис, разговаривавший с Валентином за завтраком, пересек комнату и навис над его плечом, пристально глядя вниз своими рыбьими глазами. Очевидно, у него была такая привычка. Валентин неохотно улыбнулся.

– Я видел, как ты жонглировал сегодня во дворе. Очень здорово.

– Спасибо.

– Это твоё хобби?

– Именно. Никогда раньше этим не занимался. Но скандары, похоже, взяли меня в свою труппу.

На хьорта это, кажется, произвело впечатление.

– Вот как? И ты пойдешь с ними дальше?

– Похоже на то.

– А куда?

– Понятия не имею. Это еще не решено. Но куда бы они ни пошли, для меня все одинаково хорошо.

– Ах, свободная жизнь, – вздохнул Виноркис. – Я и сам хотел бы. Может, скандары наймут и меня тоже?

– Ты умеешь жонглировать?

– Я могу вести счета. Я жонглирую цифрами. – Виноркис неистово захохотал и дружески похлопал Валентина по спине. – Я жонглирую цифрами! Тебе это нравится? Ну, спокойной ночи!

– Кто это? – спросила Карабелла, когда хьорт вышел.

– Я познакомился с ним сегодня утром, за завтраком. Это местный торговец, кажется.

Она состроила гримасу.

– Мне он что-то не нравится. Впрочем, хьортов мало кто любит. Безобразные существа. – Она грациозно встала. – Пошли?

В эту ночь он опять спал крепко. Казалось, после событий дня ему должно было присниться жонглирование, но нет: он снова оказался на пурпурной равнине, и это настораживало, ибо маджикурцы с детства знали, что повторяющиеся сны исключительно важны и, как правило, предвещают зло. Повелительница редко посылает такие сны, а вот Король любит это делать.

И опять сон оказался лишь фрагментом чего-то. В небе парили усмехающиеся лица. Водовороты пурпурного песка кружились на тропе, словно под ней усиленно работали своими когтями какие-то подземные существа. Из земли вырастали шипы. С деревьев тарасились глаза. Во всем таилась угроза, уродство, ненависть. Но в этом сне не было ни действующих лиц, ни событий. Он просто служил дурным предзнаменованием.

Мир сна уступил место миру рассвета.

Валентин проснулся раньше всех, как только первые лучи света проникли в комнату. Рядом блаженно посапывал Шанамир. В дальнем конце свернулся, как змея, Слит. Рядом с ним улыбалась во сне Карабелла. Скандары, видимо, спали в другой комнате, из чужаков здесь были только два больших бесформенных хьорта и три врууна, тела которых переплелись так, что больше походили на запутанный клубок конечностей.

Валентин достал из чемоданчика Карабеллы три жонглерских мяча и вышел в туманный рассвет отточить свои приобретенные навыки.

Появившийся часом позже Слит застал его за этим занятием и всплеснул руками:

– У тебя прямо страсть, приятель! Ты жонглируешь как одержимый. Но не утомляйся чрезмерно. Сегодня мы перейдем к более сложным приемам.

Утренний урок состоял из вариаций основного положения. Теперь Валентин учился так бросать мячи, чтобы один всегда был в воздухе, и он освоил этот трюк, овладев техникой его выполнения за полдня, хотя Карабелла говорила, что это требует многих дней практики.

Его заставляли ходить, бегать, поворачиваться и даже прыгать. Он жонглировал тремя мячами, поднимаясь и спускаясь по лестнице, присев на корточки, опускаясь на колени, стоя на одной ноге, как важная гихорн-птица с болот Зимра. Теперь он был абсолютно уверен в полной согласованности работы глаз и рук, а остальные части тела могли выделять что угодно, никак не влияя на жонглирование.

Днем Слит учил его новым хитростям: кидать мяч из-за спины, из-под ноги, жонглировать со скрещенными руками. Карабелла показывала, как бросать мяч в стену и мягко переводить его возвращение в полет, как посылать мяч из одной руки в другую и тут же, вместо того чтобы ловить, отправлять его обратно тыльной стороной кисти. Все это он быстро освоил. Карабелла и Слит не осыпали его комплиментами – постоянно хвалить не годится, – но он замечал, как часто они изумленно переглядывались, и это было ему приятно.

Скандары жонглировали в другой части двора, репетируя то, что намеревались показать на параде: чудеса с серпами, ножами и горящими факелами. Валентин мельком взглянул на них, и работа этих четырехруких существ привела его в восхищение. Но в основном он был сосредоточен на собственной тренировке.

Так прошел День моря. На четвертый день мячи сменились дубинками. Задача оказалась сложной, потому что, хотя принципы оставались в основном прежними, дубинки были больше и менее удобны, и приходилось бросать их выше, чтобы иметь время на захват. Валентин начал с одной дубинки, перебрасывая ее из руки в руку. Карабелла объясняла, как держать дубинку, как бросать и как ловить. Следуя ее советам, он быстро освоился и с дубинкой.

– Теперь, – сказала она, – возьми в левую руку два мяча, а в правую – дубинку.

Сначала ему мешала разница в массе и скорости, но так продолжалось недолго, и он вскоре перешел к двум дубинкам в правой руке и одному мячу в левой, а к вечеру четвертого дня уже работал с тремя дубинками. Запястья болели, глаза слезились от напряжения, но Валентин жонглировал, не желая да и практически не имея возможности остановиться.

Вечером он спросил:

– Когда вы научите меня перебрасываться дубинками с другими жонглерами?

Карабелла улыбнулась:

– Позднее, после парада, когда мы пойдем на восток через деревни.

– Я мог бы попробовать это и сейчас.

– Только не во время парада. Ты демонстрируешь чудеса, но есть предел тому, что можно освоить за три дня. Если бы мы стали жонглировать на параде с новичком, нам пришлось бы опуститься до его уровня, а короналю это вряд ли доставит большое удовольствие.

Он вынужден был признать ее правоту и все же продолжал мечтать о том времени, когда сможет принять участие в совместной работе жонглеров как равноправный член труппы и будет перебрасываться с ними дубинками, ножами или факелами.

Ночью четвертого дня шел дождь, необычно затяжной для субтропического лета Пидруида, где обычно бывали короткие ливни, и к утру пятого дня двор стал вязким и мокрым, как губка. Но небо очистилось, и горячее солнце светило ярко.

Шанамир, шатавшийся по городу, пока Валентин репетировал, рассказывал, что подготовка к большому параду идет полным ходом.

– Повсюду ленты и флаги, – описывал он увиденное, стоя на безопасном расстоянии, когда Валентин с утра начал разминку с тремя дубинками. – Знамена с Горящей Звездой выставлены вдоль дороги от врат Фалкинкипа до врат Дракона, а за ними, как я слышал, вдоль

всего порта, на много миль все украшено, даже дорогу покрыли золотыми тканями и зеленой росписью. Говорят, все это стоит не одну тысячу реалов.

– А кто платит? – спросил Валентин.

– Как кто? Народ Пидруида, – удивленно ответил мальчик. – Кто же еще? Уж конечно, не Ни-мойя и не Велатис!

– По-моему, корональ сам мог бы оплатить свой фестиваль.

– А чьими деньгами он будет платить, если не налогами со всего мира? Зачем бы городам Алханроэля платить за фестиваль в Зимроэле? Кроме того, это великая честь – принимать короналя! Пидруид охотно платит. Послушай, как ты умудряешься бросать дубинку и одновременно хватать ее той же рукой?

– Бросок раньше, дружище. Но только чуть-чуть раньше. Смотри внимательно.

– Я смотрю и все-таки не могу понять, как это делается.

– Когда у нас будет время – как только закончится парад, – я все покажу тебе.

– Куда мы пойдем отсюда?

– Не знаю. Карабелла говорила, что на восток. Мы пойдем в любое место, где намечается ярмарка, карнавал или фестиваль и где нужны жонглеры.

– Я тоже стану жонглером, Валентин?

– Если захочешь. Но я думал, тебя больше привлекает море.

– Я и в самом деле хочу путешествовать, – сказал Шанамир, – но необязательно по морю. Я не хочу возвращаться в Фалкинкип. Восемнадцать часов в день в стойлах, в заботе о животных – нет, это не для меня, хватит уж! Ты знаешь, в ту ночь, когда я покинул дом, мне приснилось, что я научился летать. Это был сон от Повелительницы, Валентин, я сразу понял, а полет означает, что я пойду туда, куда надеялся. Когда ты сказал Залзану Каволу, чтобы он взял и меня, если хочет нанять тебя, я задрожал. Я думал... Я чувствовал все... – Он овладел собой. – Валентин, я хочу быть таким же хорошим жонглером, как ты.

– Я еще не хороший. Я только начинающий.

Однако Валентин почувствовал себя увереннее и, словно желая порисоваться, стал бросать дубинки по более низким дугам.

– Не могу поверить, что ты научился этому за два дня.

– Слит и Карабелла хорошие учителя.

– Я никогда не видел, чтобы кто-то чему-то научился так быстро, – удивился Шанамир. – У тебя, наверное, мозг особенный. Бьюсь об заклад, ты был какой-то важной особой, пока не стал бродяжничать. Ты выглядишь таким дружелюбным, таким... простым и тем не менее... тем не менее...

– Скрытые глубины, – добродушно усмехнулся Валентин.

Он попытался бросить дубинку из-за спины, и она с треском ударила его по левому локтю. Все три дубинки упали на мокрую землю, а Валентин, морщась, потирал ушиб.

– Мастер-жонглер! – воскликнул он. – Видал? Обычно требуется несколько недель, чтобы научиться так бить свои локти!

– Ты это сделал, чтобы сменить тему разговора, – почти серьезно сказал Шанамир.

Глава 8

Приближалось утро Звездного дня – дня парада, дня короналя, первого дня великого фестиваля Пидруида, а Валентин спал, свернувшись калачиком, и видел спокойный сон: пышную зелень холмов, прозрачные озера с голубыми и желтыми водяными цветами. Он проснулся от того, что чьи-то пальцы воткнулись ему под ребра, и сел, моргая и что-то бормоча. Было темно. До рассвета еще далеко. Над ним склонилась Карабелла. Даже в темноте Валентин ощутил ее кошачью грацию, уловил тонкий запах кожи, услышал легкий смех.

– Почему так рано? – пробормотал он.

– Чтобы занять хорошее место, когда корональ пойдет мимо. Поторопись! Все уже готовы.

Валентин вскочил. Запястья немного ныли от жонглирования дубинками. Он раскинул руки и потряс расслабленными кистями. Карабелла усмехнулась, взяла его руки в свои и взглянула ему в лицо.

– Ты будешь великолепно жонглировать сегодня, – тихо произнесла она.

– Надеюсь.

– Какие могут быть сомнения, Валентин? Что бы ты ни делал, все у тебя выходит отлично. Таков уж ты есть.

– И тебе известно, что я за человек?

– Конечно. Наверное, даже лучше, чем тебе. Валентин, известна разница между сном и явью?

Он нахмурился:

– Не понял.

– Мне иногда кажется, что для тебя это одно и то же, что ты живешь во сне или спишь в жизни. Но вообще-то я так не думаю, и Слит тоже. Ты околдовал его, а это нелегко. Он везде бывал, многое видел, однако он постоянно говорит о тебе, пытается понять тебя, заглянуть тебе в душу.

– Не думал, что я так интересен. По-моему, я скучный.

– Для нас – нет. – Ее глаза блеснули. – Ну, одевайся и поешь перед парадом. Утром мы будем смотреть, как проедет корональ, днем у нас представление, а ночью... Ночью...

– Да? Что ночью?

– Ночью мы празднуем фестиваль! – крикнула она и выскочила за дверь.

Туманным утром труппа жонглеров направилась к занятому для них Залзаном Каволом месту на главном тракте.

Путь короналя начинался от Золотой площади, где он остановился на ночь, шел на восток по изогнутому бульвару, начинавшемуся за одними из второстепенных городских ворот и ведущему к главному тракту, по которому Валентин и Шанамир въехали в Пидруид и где стояли в два ряда цветущие огненные пальмы, затем через врата Фалкинкипа обратно в город, через него по дороге Воды к арке Снов и из врат Дракона – в порт, где на краю бухты был построен главный стадион Пидруида. Так что парад был, в сущности, двойным: сначала корональ проходит мимо народа, а потом народ проходит мимо короналя. Парад продлится весь день и всю ночь – вероятно, до зари Дня солнца.

Поскольку выступление жонглеров являлось частью королевского развлечения, им необходимо было занять место где-нибудь недалеко от выхода из порта, иначе они не смогут вовремя пройти через переполненный город и попасть на стадион. Залзан Кавол выбрал для них место возле арки Снов, но это означало, что им придется большую часть дня ждать, когда парад подойдет к ним. Но тут уж ничего не поделаешь.

Они шли пешком по диагонали через окраинные улицы и наконец добрались до нижнего конца дороги Воды. Как и говорил Шанамир, город был обильно украшен гирляндами и флагами, свисавшими со всех домов и фонарей. Сама дорога была заново раскрашена в цвета короналя – сияющий ярко-зеленый с золотой окантовкой.

В этот ранний час дорогу уже заполнили зрители, но, когда появились жонглеры и Залзан Кавол показал пачку билетов, в толпе быстро освободилось место. Народ Маджипура отличается вежливостью, миролюбием и сговорчивостью. К тому же кое-кто остерегался связываться с шестью угрюмыми скандарами.

Началось ожидание. Утро было теплым, а вскоре стало жарко.

Валентину ничего не оставалось делать, кроме как стоять и ждать, пялясь на пустой тракт и на богато украшенный черный полированный камень арки Снов. Карабеллу прижимали к Валентину слева, Шанамира – справа. Время тянулось невероятно медленно.

Разговоры угасали, не успев начаться. На какую-то минуту Валентина привлекла удивительная фраза, которую он уловил в разговоре позади себя:

– ...Не понимаю всех этих приветствий. Я ему ни капли не верю.

Валентин прислушался. Двое зрителей – гэйрогов, судя по голосам, – говорили о новом коронале, и отнюдь не благожелательно.

– ...Издает слишком много указов, если хочешь знать мое мнение. То одно регулирует, то другое, тычет пальцем туда-сюда. Во всем этом нет никакой необходимости!

– Он хочет показать, что работает, – примирительно ответил другой.

– Да ладно, кому это нужно! При лорде Вориаксе, а до него при лорде Малиборе все шло хорошо и без этих дурацких правил. Это признак неуверенности, я считаю.

– Тихо! Сегодня особый день, об этом говорить не стоит.

– Если хочешь знать, парень, он просто еще не уверен, что он действительно корональ, вот и старается обратить на себя наше внимание. Вот так я тебе скажу.

– А я тебя не спрашиваю, – раздраженно ответил второй.

– И еще. Повсюду рыщут имперские надзиратели. Чего он добивается? Разослать полицейских по всему миру, чтобы шпионили для короналя? А зачем? Что он хочет найти?

– Если он что-то и найдет, то тебя первого притянут. Заткнешься ты или нет?

– Я ничего плохого не делаю, – возразил первый гэйрог. – Видишь, я держу знамя с Горящей Звездой, как все прочие. Разве я не лояльный гражданин? Но мне не нравится то, что происходит. Граждане имеют право заботиться о благе государства, нет? Если нас что-то не устраивает, мы должны заявить об этом. Это же в наших традициях, нет? Если мы сейчас позволим допустить хоть мелкое злоупотребление, кто знает, как все обернется лет через пять?

«Интересно, – подумал Валентин, – несмотря на восторженные приветствия, отнюдь не все обожают нового короналя и восхищаются им. Хотелось бы знать, много ли таких, кто выказывает энтузиазм просто из страха или личного интереса?»

Гэйроги замолчали. Валентин прислушался к другим разговорам, но ничего примечательного не услышал. Время снова еле ползло. Валентин принялся рассматривать арку и занимался этим, пока в память не врезались все ее украшения, резные изображения древних властителей Маджипура, героев далекого туманного прошлого, генералов давних войн с метаморфами, короналей – предшественников легендарного Стиамота, понтифексов прошлого, Благословенных Леди. Эта арка, по словам Шанамира, была наиболее старой и самой святой в Пидруиде. Девять тысяч лет назад ее вырезали из блоков велатисского мрамора, однако время и силы природы на нее не действовали. Пройти под ней означало получить защиту Повелительницы и целый месяц после этого видеть полезные сны.

Вокруг оживленно обсуждали слухи о продвижении короналя через Пидруид. Корональ, как говорили, вышел с Золотой площади, направился к воротам Фалкинкипа, остановился, чтобы разбросать две пригоршни пятикроновых монет в кварталах, населенных в основном

хьортами и вруунами, задержался возле плакавшего ребенка и утешил его, помолился у гробницы своего брата лорда Вориакса, затем, посчитав, что слишком жарко, отдыхал несколько часов... Сделал это, сделал то, сделал что-то еще... Корональ, корональ, корональ!.. Все внимание сегодня было обращено на короналя.

Ну что это за жизнь, размышлял Валентин, без конца совершать столь долгие путешествия из города в город, везде участвовать в парадах, улыбаться, махать рукой, раздавать монеты, играть в бесконечном безвкусном спектакле, демонстрировать в одном лице всю правительственную власть, принимать весь этот почет, это шумное общественное возбуждение и притом еще как-то ухитриться держать бразды правления. А вообще-то, надо ли это делать? Система была такой древней, что, наверное, держалась и действовала сама собой.

Старый понтифекс, как и его предшественники, уединившийся в таинственном Лабиринте где-то в центральной части Алханроэля, издавал декреты, с помощью которых управлял планетой, а его наследник и приемный сын корональ выступал как исполнитель и первый министр. Он правил из Горного замка и время от времени предпринимал церемониальные походы вроде нынешнего. А не были ли они оба только символами величия?

Мир казался Валентину спокойным, приветливым, веселым, хотя, без сомнения, есть у него и сокрытые где-то темные стороны, иначе почему Король Снов бросает вызов авторитету Благословенной Леди? Эти правители, эта конституционная помпезность, эта экспансия и смятение чувств... Нет, думал Валентин, это не имеет значения и является лишь пережитком какой-то далекой эры, когда все это, возможно, было необходимым. А что имеет значение сейчас? Жить, дышать свежим воздухом, есть, пить, спокойно спать, а остальное – пустяки.

– Корональ едет! – закричал кто-то.

Так уже кричали раз десять в течение последнего часа, однако короналя все не было. Но сейчас, как раз в полдень, похоже было, что он и в самом деле приближается.

Сначала послышались приветственные крики – далекий рев, похожий на морской прибой. Когда рев стал громче, на тракте появились герольды на быстрых животных, они неслись почти галопом, время от времени издавая губами трубные звуки; наверное, губы их потом будут болеть от перенапряжения. Затем на низкой, быстро плывущей механической платформе появились несколько сотен личных телохранителей короналя в зеленой с золотом форме – специально подобранный отряд мужчин и женщин различных рас, сливки Маджипура. Они стояли навтыжку на борту платформы и выглядели, по мнению Валентина, весьма достойно и чуточку глупо.

И вот наконец показалась колесница короналя.

Она тоже была механической и плыла на высоте нескольких футов над мостовой. Щедро украшенная блестящей тканью и толстыми белыми квадратами чего-то похожего на мех редких животных, она выглядела величественно и богато. На ней находилось с полдюжины высших чинов Пидруида и провинции – мэры, герцоги и кто-то там еще, все в парадных мантиях. Среди них на возвышении из какого-то отполированного алого дерева стоял, благосклонно протягивая руки к толпе, заполнившей обе стороны тракта, лорд Валентин, корональ, второй сиятельный властелин Маджипура и, поскольку его приемный имперский отец понтифекс предпочитал не показываться на публике и простые смертные никогда его не видели, быть может, истиннейшее воплощение авторитета, какое только могло быть на этой планете.

– Валентин! – раздавалось отовсюду. – Валентин! Лорд Валентин!

Валентин рассматривал своего властительного тезку так же внимательно, как чуть раньше изображения на древней черной арке Снов. Выглядел корональ весьма импозантно: выше среднего роста, могучего телосложения, с хорошо развитыми плечами и длинными крепкими руками. Кожа его имела оливковый оттенок, черные волосы закрывали уши, подбородок окаймляла коротко подстриженная черная борода.

В ответ на гром приветствий лорд Валентин грациозно поворачивался то в одну, то в другую сторону, слегка наклоняясь и простирая руки над головами восторженных подданных. Платформа быстро проплыла мимо того места, где стояли Валентин и жонглеры. Как раз в эту минуту корональ повернулся к ним, и на миг глаза Валентина и лорда Валентина встретились. Между ними как бы возник контакт, проскочила искра. Улыбка короналя была сияющей, темные глаза метали ослепительные молнии, парадная одежда, казалось, обладала собственной жизнью, властью и целью. Захваченный магией имперского могущества, Валентин словно прирос к месту.

На секунду он проникся благоговением Шанамира, благоговением всех присутствующих здесь перед их принцем. Да, лорд Валентин был всего лишь человеком, ему нужно было опорожнять мочевой пузырь и наполнять желудок, он спал ночью и просыпался утром, зевая, как всякий другой, пачкал пеленки, когда был младенцем, и со временем станет чудаковатым и дремлющим старцем... Но все-таки он принадлежал к священным кругам, жил в Горном замке, был сыном Хозяйки Острова Сна и приемным сыном понтифекса Тиевераса, как и его брат, покойный Вориакс. Он прожил большую часть жизни у истоков власти, и на его плечи легла тяжесть управления всем этим колоссальным миром с великим множеством жителей.

Такое существование, как думал Валентин, меняет человека, ставит его отдельно от других, дает ему особую ауру и делает непохожим на окружающих. Когда колесница проплывала мимо, Валентин почувствовал эту ауру, и она смирила его.

Как только колесница проехала, это ощущение исчезло. Лорд Валентин удалился, все еще улыбаясь, простирая руки, грациозно кивая и окидывая сияющим взглядом горожан, но Валентин уже не ощущал присутствия величия и мощи. Наоборот, он неизвестно почему почувствовал себя обманутым и словно бы запятнанным.

– Пошли скорее, – проворчал Залзан Кавол, – нам пора на стадион.

Это было совсем просто. Все население Пидруида, за исключением больных и заключенных, собралось вдоль пути следования процессии. Прилежавшие улицы опустели.

Через пятнадцать минут жонглеры оказались в порту, а еще через десять подошли к стадиону. Здесь уже начала собираться толпа. Тысячи людей давились на набережных за стадионом, чтобы еще раз увидеть короналя, когда он прибудет.

Скандары построились клином и быстро врезались в толпу; Валентин, Слит, Карабелла и Шанамир последовали за ними.

Участники представления должны были собраться в отгороженной задней части стадиона у самой воды, и здесь уже толкались сотни артистов. Тут были гиганты-гладиаторы с Квилла, перед которыми даже скандары выглядели хрупкими, труппы акробатов, в нетерпении забирающихся друг другу на плечи; абсолютно нагие артисты балетной труппы, три оркестра со странными инопланетными инструментами, настраиваемыми с непонятными диссонансами; дрессировщики, удерживавшие на привязи морских зверей невероятных размеров и ярости; всевозможные уроды: мужчина весом в тысячу фунтов, женщина одиннадцати футов ростом и тонкая, как черный бамбуковый прут, двухголовый вруун, три близнеца-лиимена, соединенные в талиях полосой страшной сине-серой плоти, кто-то, чье лицо походило на топор, а нижняя часть тела – на колесо, и много всяких других. У Валентина закружилась голова от вида, звуков и запахов этого неприятного скопления.

Обезумевшие клерки с муниципальными бляхами старались выстроить всех этих выступающих в каком-то заранее установленном порядке.

Залзан Кавол отдал служителю документы и взамен получил номер, указывавший место его труппы в строю. Теперь им предстояло самим найти соседей по ряду, но это оказалось непросто, поскольку внутри огороженного пространства все непрерывно двигались, и отыскать номера было все равно что навесить ярлыки на морские волны.

Жонглеры все-таки устроились наконец между труппой акробатов и одним из оркестров, и после этого им несколько часов пришлось стоять на месте.

Артистам предлагали освежающее. Служители ходили по рядам, разнося кусочки жареного на вертеле мяса и стаканчики зеленоватого или золотистого вина, не требуя за это платы. Но от жары и духоты, от запаха испарений стольких столпившихся тел разных рас и продуктов метаболизма Валентин чувствовал дурноту. «Через час, – думал он, – я буду жонглировать перед короналем. Как странно это звучит!» Хорошо, что Карабелла была рядом – веселая, жизнерадостная, всегда улыбающаяся, полная энергии.

– Да избавит нас Божество от еще одного такого испытания в будущем, – шепнула она.

Наконец у ворот стадиона началось какое-то движение, как будто повернули кран, и вихревой поток вытянул первых артистов из огороженного участка. Валентин встал на цыпочки, но так и не увидел, что там происходит. Прежде чем волна движения дошла до них, прошел почти час. Теперь вся линия плавно двинулась вперед.

Со стадиона доносились звуки музыки, рев животных, смех, аплодисменты. Оркестр, стоявший перед труппой Залзана Кавола, уже готовился выйти. Он состоял из двадцати музыкантов трех нечеловеческих рас со странными, незнакомыми Валентину инструментами: похожими на улиток сияющими трубами, наклонными барабанами и маленькими пятиствольными флейтами. Все они на вид были очень изящными, но звук их нельзя было назвать нежным.

Но вот последний музыкант исчез за большими двойными воротами стадиона, и официальный распорядитель важно шагнул вперед, загородив проход жонглерам.

– Залзан Кавол и его труппа, – объявил он.

– Мы здесь, – откликнулся Залзан Кавол.

– Ждите сигнала. Когда выйдете, последуете за музыкантами в процессии слева направо вокруг стадиона. Не начинайте представление до тех пор, пока не пройдете мимо большого зеленого флага с эмблемой короналя. Достигнув павильона короналя, почтительно поклонитесь и находитесь на месте шестьдесят секунд, показывая свое искусство. Потом двинетесь дальше, дойдете до дальних ворот и сразу же покинете стадион. При выходе получите свое вознаграждение. Все понятно?

– Вполне, – кивнул Залзан Кавол и повернулся к своей труппе.

До сих пор он был резким и грубым, а тут вдруг совершенно преобразился: протянул три руки своим братьям и обменялся с ними рукопожатием, а на его грубом лице появилась почти нежная улыбка. Затем он обнял Слиту, Карабеллу, а последним притянул к себе Валентина и ласково, насколько это возможно для скандара, сказал:

– Ты быстро всему научился и проявляешь признаки мастерства. Я взял тебя только для удобства, но теперь рад, что ты с нами.

– Благодарю тебя, – торжественно ответил Валентин.

– Не каждый день мы жонглируем перед властями Маджипура, – продолжал Залзан Кавол. – Пусть это будет нашим самым лучшим выступлением.

– Жонглеры! – пролаял распорядитель.

Скандар сделал жест, и труппа прошла через массивные двойные ворота.

Слит и Карабелла шли впереди, жонглируя пятью ножами. Они обменивались ими в быстром, постоянно варьирующемся рисунке. За ними, несколько поодаль, легко шагал Валентин, в напряженном темпе жонглируя тремя дубинками. За ним выступали шесть братьев-скандаров, которые пользовались двадцатью четырьмя руками, чтобы наполнить воздух невообразимой смесью летающих предметов. Шанамир как своего рода оруженосец замыкал шествие. Он ничего не делал, просто служил человеком-точкой.

Карабелла была энергична и неумна. Она подпрыгивала, щелкала каблуками, хлопала в ладоши, но ни разу не сбилась с такта, а рядом с ней Слит, быстрый, как удар кнута, собранный, динамичный, представлял собой прямо-таки сгусток энергии, когда выхватывал ножи из

воздуха и возвращал их партнерше. Всегда спокойный, экономный в движениях, Слит позволил себе немислимый прыжок, пока мягкий воздух Маджипура необходимую долю секунды держал ножи наверху.

Они обошли вокруг стадиона, держа ритм по скрипучему визгу флейт и труб шедшего перед ними оркестра. Толпа зрителей уже устала от чередования выступлений и едва реагировала, но это не имело значения: жонглеры были преданы своему искусству, и их не интересовали потные лица, едва различимые на далеких трибунах.

Валентин придумал номер вчера, репетировал сам и фантастически преуспел в этом. О его номере никто не знал, потому что для новичка это было рискованно, а королевское представление не место для риска. Однако он считал, что такое представление – самое подходящее место для того, чтобы человек продемонстрировал все свои способности.

Итак, он взял две дубинки в правую руку, швырнул их вверх и тут же услышал удивленный возглас Залзана Кавола:

– Эй!

Но у Валентина не было времени на размышления, поскольку дубинки спускались. Он бросил дубинку из левой руки между ними на двойную высоту, ловко поймал падавшие дубинки в каждую руку, бросил из правой вверх и поймал ту, которая вернулась с большой высоты, а затем вполне уверенно занялся знакомым каскадом дубинок, не глядя по сторонам и следуя за Карабеллой и Слитом по периметру громадного стадиона.

Оркестры, акробаты, танцоры, дрессированные животные, жонглеры впереди и позади, тысячи пустых лиц на трибунах, украшенные лентами толпы вельмож – ничего этого Валентин не замечал. Бросок, бросок, бросок и захват, бросок и захват, бросок и захват, вперед и вперед, пока не увидел краем глаза блестящие зеленые с золотом флаги по бокам королевского павильона. Он повернулся лицом к короналю. Это была трудная минута, потому что пришлось делить внимание: следить за полетом дубинок и искать лорда Валентина.

Валентин увидел его в центре павильона. Он жаждал второго толчка обмена энергией, еще одной искры контакта с ищущими глазами короналя. Он бросал дубинки автоматически точно, каждая взлетала на определенную высоту и по дуге опускалась между большим пальцем и остальными, пока он искал лицо короналя. Но в этот раз толчка энергии не было, потому что корональ был рассеян и вообще не видел жонглера. Он, скучая, смотрел через стадион на какое-то другое действие, то ли на животных, то ли на голые зады танцоров, то ли вообще ни на что.

Валентин настойчиво отсчитывал положенные ему шестьдесят секунд, и в конце этой минуты ему показалось, что корональ мельком взглянул на него, но и только.

Валентин двинулся дальше. Карабелла и Слит уже приближались к выходу. Валентин полуобернулся и сердечно улыбнулся скандарам, которые шли под танцующим балдахином из топоров, горящих факелов, серпов, молотков и фруктов, добавляя один предмет за другим к тому множеству, которое кружилось над ними.

Валентин шел в одиночестве своим путем, вперед и через ворота.

Выходя во внешний мир, он держал свои дубинки в руках. И снова, отдалившись от короналя, он ощущал упадок сил, усталость и пустоту, словно лорд Валентин не излучал энергию, а вытягивал ее из других, создавая иллюзию яркой блистающей ауры, а когда люди отходили от него, они испытывали только чувство потери. К тому же выступление закончилось. Минута славы Валентина пришла и ушла, и никто, похоже, этого не заметил, кроме Залзана Кавола, который смотрел на него угрюмо и раздраженно.

– Кто научил тебя этому двойному броску? – спросил он, едва выйдя за ворота.

– Никто, – ответил Валентин. – Я сам это придумал.

– А если бы ты уронил дубинки?

– Так ведь не уронил же!

– Нашел место опробовать новые трюки, – пробормотал скандар и вдруг несколько смягчился: – Но я должен признать, что держался ты хорошо.

От второго распорядителя он получил кошелек с деньгами, высыпал их в две внешние руки и быстро пересчитал. Большую часть он сложил в карман, но по одной монете бросил братьям, потом – Слиту и Карабелле и после некоторого раздумья кинул по более мелкой монетке Валентину и Шанамиру. Валентин заметил, что он и Шанамир получили по полкроны, а остальные – по кроне. Но не все ли равно? В его кошельке еще звенели несколько крон, а премия, пусть и небольшая, была неожиданной. Он истратит ее сегодня на крепкое вино и пряную рыбу.

Долгий день близился к концу. С моря поднялся туман и принес в Пидруид ранние сумерки. Со стадиона все еще доносились звуки представления. «Бедный корональ, – подумал Валентин, – ему придется сидеть там до ночи».

Карабелла стиснула его запястье.

– Пошли, – шепнула она повелительно. – Наша работа закончена, теперь мы будем праздновать!

Глава 9

Она нырнула в толпу, и Валентин после некоторого замешательства последовал за ней. Три дубинки, подвешенные к поясу, колотили его по бедрам. Он подумал было, что потерял Карабеллу, но тут снова увидел ее. Она бежала широкими прыжками, время от времени оборачиваясь и маня его за собой. Валентин догнал ее на ступенях широкого спуска, ведущего к бухте.

Буксиры привели в гавань барки с тонкими бревнами, замысловато уложенными в костры. Хотя ночь еще не наступила, некоторые костры были уже подожжены и горели холодным зеленым огнем, почти не давая дыма.

В течение дня весь город превратился в площадку для развлечений. Карнавальные палатки выросли, как поганки после летнего дождя. Гуляки в странных костюмах шатались по набережным. Со всех сторон слышались музыка и смех, во всем чувствовалось лихорадочное возбуждение.

Темнота сгущалась, зажигались новые огни, и бухта стала похожа на море цветного света. На востоке появилось нечто вроде фейерверка: высоко взлетела сверкающая ракета и рассыпалась слепящими потоками над крышами самых высоких зданий Пидруида.

Возбуждение Карабеллыхватило и Валентина. Взявшись за руки, они без усталости шли через город от палатки к палатке, разбрасывая монеты, как камешки, в которые они играли.

Много было игорных палаток, где сбивали шарами кукол или разрушали какую-нибудь тщательно сбалансированную конструкцию. Карабелла, с ее глазами и рукой жонглера, выигрывала почти в каждой такой игре, а Валентин, хоть и менее ловкий, тоже взял немалую долю призов.

В некоторых палатках призом были кружки вина и куски мяса, в других они получали ненужных животных или знамена с эмблемой короналя. Все это они тут же и оставляли. Но мясо ели, пили вино и по мере приближения ночи становились все более возбужденными и неистовыми.

– Сюда! – крикнула Карабелла.

Они присоединились к танцу вруунов, гэйрогов и пьяных хьортов, в котором, казалось, нет никаких правил – все просто скакали по кругу. Они прыгали с чужаками довольно долго. Какой-то хьорт обнял Карабеллу, и она в ответ обняла его так крепко, что маленькие сильные пальцы глубоко вонзились в его жирную кожу. А когда женщина-гэйрог, вся в змеиных локонах, с гроздьё болтавшихся грудей, прижалась к Валентину, он принял ее поцелуй и вернул его с таким энтузиазмом, какого и сам от себя не ожидал.

Затем они пошли дальше, в открытый театр, где угловатые куклы со стилизованными резкими движениями разыгрывали драму, потом на арену, где за несколько весовых единиц посмотрели на морских драконов, плававших кругами в сияющей цистерне, а оттуда в сад одушевленных растений с южного побережья Алханроэля – существ со щупальцами и высоких, дрожащих, похожих на резиновые колонны с удивительными глазами на вершине.

– Время кормления через полчаса, – сказал сторож.

Карабелла не захотела остаться и, увлекая за собой Валентина, нырнула в сгущавшуюся темноту.

Снова взрывались фейерверки, теперь куда более яркие на фоне ночи: тройная Горящая Звезда, за ней изображение лорда Валентина в половину неба, потом ослепительная спираль из зеленого, красного и голубого огня – Лабиринт, а на его фоне – лицо старого понтифекса Тиевераса. А через минуту цвета пропали, новый взрыв бросил ленту огня через все небо, и на ней проступили любимые всеми черты великой королевской матери – Хозяйки Острова Сна, с любовью глядевшей на Пидруид. Лик ее так глубоко подействовал на Валентина, что он готов

был преклонить колени и заплакать. Но в толпе не было для этого места. Он на мгновение задрожал. Повелительница Снов растаяла в темноте. Валентин взял руку Карабеллы и крепко сжал ее.

– Мне нужно еще вина, – шепнул он.

– Подожди. Сейчас будет еще одно изображение.

И правда. Еще ракета, еще взрыв красок, на этот раз грубых желтых и красных, и на них – лицо с тяжелой нижней челюстью и угрюмыми глазами, лицо четвертой из Сил Маджипура, самой темной и самой надменной фигуры в иерархии – Короля Снов, Симонана Барджазида. Толпа затихла, потому что Король Снов не был другом никому, хотя все признавали его власть, поскольку он приносил несчастье и страшные кары.

Затем они пошли за вином. Рука Валентина дрожала, когда он быстро опрокинул две кружки. Карабелла внимательно наблюдала за ним, поглаживая пальцами его крепкое запястье. Но она ни о чем не спрашивала и свое вино оставила почти нетронутым.

Следующая дверь, открывшаяся перед ними благодаря фестивалю, вела в музей восковых фигур, выстроенный в форме миниатюрного Лабиринта. Попад в него, нелегко было найти выход, и они дали служителю три медяка, чтобы тот сопровождал их.

Из тьмы как живые выступали герои королевства. Они двигались и даже разговаривали на древних диалектах. Один высокий воин назвал себя лордом Стиамотом, победителем метаморфов. Здесь была легендарная леди Тиин, его мать, леди-воин, которая лично возглавляла защиту Острова Сна, когда его осаждали аборигены. Затем появилась фигура, назвавшаяся Дворном, первым понтифексом. Он был так же далек по времени от Стиамота, как сам Стиамот – от нынешнего короналя. Рядом с Дворном стоял Динитак Барджазид, первый Король Снов, персонаж куда менее древний. Чем глубже Карабелла и Валентин проникали в лабиринт, тем большее число искусно подобранных представителей Власти – понтифексов, леди и короналей – возникало перед ними. Вот великие правители Конфалюм, и Престимион, и Деккерет, и понтифекс Ариок, и наконец, последняя фигура – румяный мужчина лет сорока, черноволосый и темноглазый, в туго облегающей черной одежде. Ему не было нужды называть себя – это был лорд Вориакс, последний корональ, брат лорда Валентина, погибший два года назад из-за глупой случайности на охоте. Он правил всего восемь лет. Изображение поклонилось, протянуло руки и воскликнуло:

– Оплакивайте меня, братья и сестры, потому что я погиб раньше времени, и мое падение было тем сильнее, что я упал с такой высоты. Я был лордом Вориаксом. Задумайтесь о моей судьбе!

Карабелла вздрогнула.

– Мрачное место и мрачный конец. Уйдем отсюда!

Она снова повела его по праздничным улицам через игорные залы и ярко освещенные павильоны, мимо обеденных столов и домов радости, нигде не останавливаясь, перелетая, как птица, с места на место, пока наконец они не свернули за угол и не оказались в темноте, за пределами всеобщего веселья. Они пошли дальше – в тишину деревьев, в аромат цветов. Это был парк.

– Идем, – прошептала Карабелла и взяла Валентина за руку.

Они оказались на залитой лунным светом поляне, над которой сомкнулись вершинами деревья. Рука Валентина мягко скользнула вокруг тонкой талии Карабеллы. Дневное тепло задержалось под этими сплетенными кронами, от влажной земли поднимался сладкий аромат громадных, больше головы скандара, цветов. Фестиваль и все его хаотическое возбуждение, казалось, отодвинулись на десять тысяч миль.

– Здесь мы и останемся, – сказала Карабелла.

Подчеркнуто рыцарски Валентин расстелил свой плащ. Она села, потянула к себе Валентина и оказалась в его объятиях. Они лежали в укрытии между двумя густыми кустами с серо-

зелеными, как будто приклеенными ветками. Где-то неподалеку бежал ручей. Проблески света слабо пробивались сверху.

На бедре Карабеллы висела маленькая карманная арфа искусной работы. Она сняла ее, сыграла короткое мелодичное вступление и запела чистым высоким голосом:

Моя любовь прекрасна, как весна.
Моя любовь сладка, как плод запретный,
Как ночь благоуханная, нежна,
Чиста, как день, омытый солнца светом.
Она – как сердца радостный полет!
Она дороже мне сокровищ мира
И даже Замка Горного красот.
О ней поет, не умолкая, лира.

– Красивая песня, – задохнулся Валентин, – и твой голос так прекрасен...

– А ты поешь? – спросила она.

– Ну, наверное.

Она протянула ему арфу:

– Спой что-нибудь твое любимое.

Он растерянно повертел в руках маленький инструмент.

– Я не знаю песен.

– Никаких? Ну хоть несколько ты должен знать!

– Похоже, я все забыл.

Она улыбнулась и взяла арфу.

– Хорошо, я научу тебя, только не сейчас.

– Нет, не сейчас.

Валентин нежно поцеловал ее. Она улыбнулась и крепче прижалась к нему. Глаза его привыкли к темноте, и он довольно ясно видел ее маленькое чистое личико с яркими озорными глазами, блестящие растрепанные волосы, трепещущие в ожидании ноздри. Он попытался взять себя в руки, избежать того, что должно вот-вот произойти, не желая брать на себя никаких обязательств, но тут же отбросил эти страхи. Была фестивальная ночь, и они хотели друг друга. Руки Валентина скользнули по спине девушки, переместились вперед, сжали грудь. Он вспомнил, как она стояла обнаженная под очистителем: сильная, стройная, полная внутренней энергии. Он чувствовал, как она дрожит, и понимал, что это не от холода, не от ночной сырости, – казалось, она находится во власти какой-то странной, чуть ли не пугающей силы. Он гладил ее руки, лицо, плечи, с трепетом касался маленьких грудей. Рука скользнула по гладкой коже внутренней стороны ее бедра. Карабелла резко выдохнула и привлекла его к себе.

Они без слов понимали друг друга, каждое движение, каждый жест были настолько ясны и знакомы, как будто они давно уже были любовниками. Стройные ноги обхватили его талию, и они все перекатывались и перекатывались, пока не оказались на берегу ручья и своей разгоряченной кожей не почувствовали его прохладную свежесть.

Потом он в полудреме лежал в ее объятиях, слушая, как бьется ее сердце.

– Мы останемся ночевать здесь, – прошептала Карабелла. – В эту ночь нас никто не потревожит.

Она погладила его лоб, убрала с глаз прядь мягких желтых волос и легонько поцеловала в кончик носа. Она была ласкова и игрива, как котенок, владевшее ею темное возбуждение ушло, сгорело в пламени страсти. Валентин был потрясен, оглушен и растерян. Он пережил внезапный, острый экстаз и в миг этого экстаза будто заглянул через ворота ярчайшего света

в таинственную область без цвета, формы и субстанции, едва успел замереть на самом краю этого неведомого – и его резко отбросило назад, в реальный мир.

Он не мог говорить, не было подходящих слов. Карабелла, видимо, чувствовала его состояние и тоже молчала, только обнимала его, нежно покачивала, положив его голову к себе на грудь, и тихонько напевала. В тепле ночи он незаметно для себя заснул. И вновь к нему явились сны-образы, грубые и страшные.

Он опять очутился на знакомой унылой пурпурной равнине. Те же насмешливые лица смотрели на него с багрового неба, но на этот раз он был не один. Перед ним маячило темное лицо, и чье-то присутствие физически давило на него. В недобром сиянии янтарного солнца Валентин не мог разглядеть черты этого лица, но знал, что это его брат. Где-то звучала печальная, тихая музыка, в которой слышалось рыдание. Значит, сон был опасный, угрожающий, смертельный.

Двое мужчин сошлись в страшной дуэли, из которой только один должен выйти живым.

– Брат! – кричал Валентин в ужасе и смятении. – Нет! – Он дергался и извивался и как бы плыл по поверхности сна. На миг ему даже удалось воспарить над ней. Но то, чему обучали с рождения, засело в нем слишком глубоко: он знал, что никому не позволено спастись бегством от снов или в испуге отбрасывать их от себя; он должен полностью входить в них и подчиняться их приказам. Во сне он встречается с невысказанным, и уклониться от этого означает противопоставить себя сну и погибнуть наяву.

Усилием воли Валентин вновь вернул себя на зыбкую границу между сном и бодрствованием и опять почувствовал злобное присутствие брата-врага. Оба были вооружены, но не одинаково: Валентин держал в руке плохонькую рапиру, его брат – массивную саблю. Со всей своей ловкостью и проворством Валентин отчаянно пытался найти рапирой брешь в защите брата, но это было невозможно. Тот все время парировал его уколы медленными, тяжелыми ударами. Слабое лезвие Валентина отскакивало в сторону и неумолимо тянуло его самого назад по грубой, изрытой земле. Над головой кружились стервятники. С неба лилась клекочущая песня смерти. Скоро должна пролиться кровь, и жизнь вернется к Источнику. Шаг за шагом Валентин отступал, зная, что позади овраг и скоро дальше отступать будет некуда. Рука его болела, глаза слезились от напряжения, во рту скрипел песок, силы были на исходе. Назад... назад...

– Брат! – в отчаянии крикнул он. – Во имя Божества...

Ответом на его мольбу были грубый смех и непристойная ругань. Сабля взвилась и опустилась. Валентин выставил свое оружие. Тело его онемело, он задрожал, когда раздался скрежет металла, и его легкая рапира переломилась. В ту же минуту он попал ногой в торчащую из песка корягу и тяжело упал на землю в переплетенные колючие ветки. Гигантский человек с саблей встал над ним, заслонив солнце и закрыв собой небо. Песня смерти зазвучала убийственно визгливо, стервятники устремились вниз.

Спящий Валентин стонал и вздрагивал. Он повернулся и прижался к Карабелле, набираясь от нее тепла, потому что его окутал страшный холод смертельного сна. Так легко было бы проснуться, уйти от ужаса этих образов, выплыть в безопасность на берега сознания. Но нет. Подчиняясь правилу, он снова и снова бросал себя в кошмар. Огромный человек захохотал. Сабля поднялась. Мир вокруг упавшего тела Валентина качался и рушился. Он направил свой дух к Повелительнице Снов и ждал смертельного удара. Но удар сабли оказался неловким и неудачным: оружие его брата с глухим стуком вонзилось глубоко в песок. Сон тут же изменился. Валентин не слышал больше пронзительной песни смерти, все перевернулось. В него неожиданно влились потоки энергии, и он вскочил на ноги. Брат рывками пытался выдернуть саблю, но Валентин каблуком загнал ее еще глубже и бросился на противника с голыми руками. Теперь уже Валентин одерживал победу, а испуганный брат, отступая под градом ударов, упал на колени и, качая окровавленной головой из стороны в сторону, рычал, как раненый

медведь. Он принимал удары, не пытаясь защищаться, и только бормотал: «Брат... брат...» – когда Валентин опрокинул его на песок. Он лежал неподвижно у ног вышедшего победителем в борьбе Валентина. «Пусть скорее настанет утро и освободит меня от сна», – молился он. Было еще темно. Валентин опустил руки и вздрогнул. Безумные образы, разрозненные, но впечатляющие, проплывали в его смятенном мозгу.

Карабелла задумчиво смотрела на него.

– С тобой все в порядке? – спросила она.

– Я видел сон.

– Ты три раза кричал. Я подумала, что тебе надо проснуться. Тяжелый сон?

– Да.

– А как ты сейчас?

– Растерян, ошеломлен.

– Расскажи мне свой сон.

Это была очень интимная просьба. Но разве они не любовники? Разве они не вместе ушли в мир сна, как партнеры в ночных поисках?

– Я видел, что дрался со своим братом, – хрипло ответил он. – Мы сражались на шпагах в жаркой голой пустыне, и он уже готов был убить меня, но в последнюю минуту я поднялся с земли и... и убил его голыми руками.

Ее глаза горели в темноте, как у зверя.

– Ты всегда видишь такие жестокие сны? – спустя мгновение спросила Карабелла.

– Не думаю. Но...

– Да?

– Дело не только в насилии. Карабелла, у меня нет брата!

Она засмеялась:

– А ты хочешь, чтобы во сне все было, как наяву? Валентин, Валентин, где ты учился? В снах истина всегда спрятана очень глубоко. Брат в твоём сне может быть кем угодно или никем: Залзаном Каволом, Слитом, твоим отцом, лордом Валентином, понтификсом Тиеверасом, Шанамиром или даже мной. Ты же знаешь, что сны, кроме специально посланных, все преобразуют.

– Знаю. Но что означает этот сон, Карабелла? Дуэль с братом... почти убит им... и вдруг убил его...

– Ты хочешь, чтобы я истолковала твой сон за тебя? – удивилась она.

– Он для меня ничего не означает, кроме страха и тайны.

– Да, тебе было очень страшно. Ты обливался потом и несколько раз кричал. Но мучительные сны всегда являются наиболее вещими. Растолкуй его сам.

– У меня нет брата...

– Я же сказала тебе, это неважно.

– Что же, я воюю против самого себя? Не понимаю. И врагов у меня нет.

– Может, твой отец? – намекнула она.

Валентин задумался. Отец? Он попытался представить себе лицо, которое могло бы принадлежать человеку с саблей, но не смог.

– Я не помню его.

– Он умер, когда ты был маленьким?

– Наверное.

Валентин покачал головой и почувствовал, как в висках у него застучало.

– Не помню. Я вижу высокого человека с темной бородой, темноглазого...

– Как его звали? Когда он умер?

Валентин вновь покачал головой.

Карабелла наклонилась, взяла его за руки и тихо спросила:

– Где ты родился?

– На востоке.

– Да, ты говорил. Но где, в каком городе, в какой провинции?

– В Ни-мойе? – вопросительно произнес Валентин.

– Ты спрашиваешь или отвечаешь?

– В Ни-мойе, – повторил он. – Большой дом, сад, неподалеку река. Да, я вижу себя там, купаюсь в реке, охочусь в герцогском лесу. Может, я видел это во сне? Или читал что-то такое, или мне рассказывали?

– Как зовут твою мать?

Он открыл было рот, но промолчал.

– Она тоже умерла молодой?

– Галиара, – неуверенно сказал он. – Да, Галиара.

– Приятное имя. Расскажи, как она выглядела.

– Она... Она была... – Он запнулся. – Золотые волосы, как у меня, гладкая свежая кожа, глаза... ее голос... Это так трудно, Карабелла.

– Ты дрожишь.

– Да.

– Иди сюда.

Она притянула его к себе. Она была много меньше его, но казалась сейчас гораздо сильнее, и рядом с ней ему было так уютно.

– Ты ничего не помнишь, Валентин? – спросила она мягко.

– Ничего.

– Ты не помнишь, где родился, откуда пришел сюда, как выглядели твои родители, не помнишь даже, где ты был в прошлый Звездный день? Твои сны не могут служить тебе руководством, потому что ты ничего не можешь объяснить в них.

Ее пальцы осторожно, но твердо начали ощупывать его голову.

– Что ты делаешь? – спросил он.

– Смотрю, нет ли повреждений. Удар по голове может отбить память.

– Есть что-нибудь?

– Ни рубца, ни шишки. Но это еще ничего не значит. Это могло случиться месяц или два назад. Когда взойдет солнце, посмотрю еще раз.

– Мне нравится прикосновение твоих рук.

– А мне нравится касаться тебя.

Валентин спокойно лежал рядом с ней. То, о чем они говорили, растревожило его. «Другие люди, – думал он, – помнят свое детство и юность, знают, где они родились и как зовут их мать и отца, а у меня нет ничего, кроме неопределенных фрагментов, тумана тонких, ненадежных воспоминаний, покрывающего колодец пустоты». Он знал, что там пустота, и не хотел заглядывать в нее. Но Карабелла заставила его это сделать. Он недоумевал, почему так не похож на других, почему его воспоминания столь бессвязны. Может, он и вправду получил удар по голове или просто так глуп, что не в силах удержать в памяти даже отрывки пережитого? И пока он, Валентин, годами бродил по Маджипуру, наступавший новый день стирал воспоминания о прошедшем?

Они так и не уснули больше в эту ночь.

К утру они совершенно неожиданно снова занялись любовью, но уже молча, сосредоточенно, совсем не так, как прошлый раз. Затем они все так же молча поднялись, умылись в маленьком холодном ручье, оделись и направились через город в гостиницу. По улицам все еще шатались гуляки с затуманенными глазами, а над Пидруидом уже высоко поднялся яркий глаз солнца.

Глава 10

По совету Карабеллы Валентин доверительно рассказал Слиту про сон и про последовавший за ним разговор. Маленький седовласый жонглер внимательно слушал, не перебивая, и выглядел невероятно торжественно. Когда Валентин закончил, Слит сказал:

– Тебе надо бы поговорить с толкователем снов. Послание слишком сильно, чтобы им пренебречь.

– Значит, ты думаешь, что это послание?

– Скорее всего.

– От Короля?

Слит вытянул руки и принялся рассматривать кончики пальцев.

– Возможно. Жди и будь осторожен. Король никогда не посылает простых посланий.

– Оно могло быть и от Повелительницы Снов, – вмешалась Карабелла. – Жестокость сна не должна обманывать нас. Когда нужно, Повелительница посылает и такие сны.

– А некоторые сны, – добавил, улыбаясь, Слит, – приходят не от Повелительницы и не от Короля, а из глубин нашего затуманенного мозга. Но без посторонней помощи здесь не обойтись. Иди к толкователю снов, Валентин.

– А может ли толкователь снов помочь мне обрести память?

– Толкователь или колдун может. Но если сны не основаны на твоём прошлом, это ничего не даст.

– Кроме того, – сказала Карабелла, – такой сильный сон нельзя оставлять без внимания. Тебе надо его обдумать. Если сон требует действия, а ты ничего не предпримешь... – Она пожала плечами. – Твой дух ответит за это, и очень скоро. Ищи толкователя, Валентин.

– Я надеялся, – обратился Валентин к Слиту, – что ты хоть немного разбираешься в этом.

– Я жонглер, а не толкователь.

– А можешь ты порекомендовать мне кого-нибудь в Пидруиде?

– Мы скоро уйдем отсюда. Подожди несколько дней. У тебя будут еще сны, и ты все расскажешь толкователю.

– Хотел бы я знать, послание ли это? – задумался Валентин. – И от Короля ли? Какое дело Королю Снов до такого бродяги, как я? Не думаю, что это от Короля. На Маджипуре двадцать миллиардов жителей – разве может Король найти время для всех, если только это не очень важно?

– В Сувраэле, – ответил Слит, – во дворце Короля Снов есть громадные машины, которые следят за всем миром и каждую ночь направляют послания в мозг миллионов людей. Кто знает, как выбираются эти миллионы? Когда мы были детьми, нам говорили: прежде чем мы покинем этот мир, мы почувствуем прикосновение Короля Снов к нашим душам, ко всем и к каждому по отдельности. И я знаю теперь, что это правда. Знаю, потому что со мной это было.

– С тобой?

– И не один раз. – Слит коснулся своих прямых нечесаных седых волос. – Ты думаешь, я так и родился седым? Однажды я спал в гамаке в джунглях за Нарабалем. Тогда я еще не был жонглером. Король пришел ко мне во сне и отдал приказ моей душе, а когда я проснулся, волосы мои побелели. Мне было тогда двадцать три года.

– Приказ? – выдавил из себя Валентин. – Какой приказ?

– Чтобы черные волосы за одну ночь стали седыми, – сказал Слит, явно не желая продолжать разговор. Он встал и взглянул на утреннее небо, как бы проверяя, насколько высоко поднялось солнце. – Я думаю, мы достаточно поговорили, друг. На фестивале мы еще успеем пополнить свои карманы кронами. Хочешь, я научу тебя нескольким новым трюкам, пока Залзан Кавол не послал нас работать?

Валентин кивнул. Слит взял мячи и дубинки, и они вышли во двор.

– Смотри, – велел Слит.

Он прижался к спине Карабеллы. Она держала два мяча в правой руке, а он – один в левой, и они начали перебрасывать их друг другу.

– Это полужонглирование, – пояснил Слит, – вещь простая даже для новичка, но выглядит чрезвычайно сложной.

Они сразу же вошли в ритм, легко перекидывая мячи вперед и назад, как одно существо с четырьмя ногами, двумя мозгами и двумя жонглирующими руками.

«Да, это действительно кажется трудным», – подумал Валентин.

– Поддай-ка нам дубинки, – попросил Слит.

Валентин быстрыми, резкими бросками по одной перекинул дубинки в правую руку Карабеллы, и она одну за другой посылала их дальше, до тех пор пока мячи и дубинки не стали летать от нее к Слиту и от Слита к ней с головокружительной скоростью.

Валентин знал по собственному опыту, как трудно работать с несколькими разными предметами. Он надеялся, что за следующие несколько недель научится жонглировать пятью мячами. Четыре дубинки можно освоить достаточно быстро, но управлять тремя мячами и тремя дубинками одновременно и так здорово согласовывать все движения в этом полужонглировании – это подвиг, который поражал и восхищал его. К удивлению Валентина, тут примешивалась еще ревность: Слит стоял вплотную к Карабелле и составлял с ней как бы единый организм, а ведь всего несколько часов назад она лежала с Валентином около ручья в парке Пидруида.

– Попробуй, – предложил Слит и отошел в сторону.

Карабелла повернулась лицом к Валентину. Они работали только тремя мячами. Сначала Валентину было трудно рассчитать высоту и силу броска, и он иной раз бросал мяч так, что Карабелла не могла поймать его, но через десять минут он освоился, а через пятнадцать они действовали так четко, словно делали это не один год. Слит подбадривал их аплодисментами.

Появился скандар – не Залзан Кавол, а его брат Ерфон, казавшийся чересчур суровым и холодным даже для скандара.

– Вы готовы? – проворчал он.

После обеда труппа должна была выступать в частном парке одного богатого торговца, который принимал у себя герцога провинции.

Карабелла и Валентин показали свою новую работу. Скандары продемонстрировали нечто яркое и сверкающее из тарелок, хрустальных стаканчиков и кухонных мисок, а в заключение Слит вышел жонглировать с завязанными глазами.

– Разве такое возможно? – потрясенно спросил Валентин.

– Смотри! – сказала Карабелла.

Валентин смотрел, но кроме него смотрели очень немногие, потому что после безумного Звездного дня настал День солнца, и господа, заказавшие представление, устали и пресытились. Им уже надоело мастерство музыкантов, акробатов и жонглеров, которых они наняли.

Слит выступил вперед с тремя дубинками, встал твердо и уверенно, помедлил с минуту, слегка склонив голову набок, словно прислушиваясь к ветру, который дул со стороны океана, затем глубоко вздохнул и начал работать.

Залзан Кавол гроыхнул:

– Двадцать лет практики, лорды и леди Пидруида! Тут нужен острейший слух! Он слышит шелест дубинок в воздухе, когда они летят из одной руки в другую!

Валентин недоумевал, как даже самый тонкий слух может уловить что-то в гуле разговоров, звоне тарелок и громогласном рекламировании Залзана Кавола, но Слит не сделал ни одной ошибки. Заметно было, что номер был трудным даже для него: обычно он был спокоен и неумоим, как машина, но сейчас его руки двигались необычно резко и с отчаянной тороп-

ливостью хватали кружившуюся почти вне пределов досягаемости дубинку. И все-таки жонглировал он замечательно.

Казалось, перед его мысленным взором была разложена карта с изображением местонахождения каждой летевшей дубинки, и рука протягивалась как раз туда, куда та могла упасть, и находила ее именно там или по крайней мере очень близко. Он сделал десять, пятнадцать, двадцать обменов, затем прижал все три дубинки к груди, сорвал повязку с глаз и низко поклонился. Раздались жидкие аплодисменты. Слит стоял неподвижно. Карабелла подошла и обняла его, Валентин шлепнул его по плечу, и труппа покинула сцену.

В комнате для переодевания Слит все еще дрожал от пережитого напряжения, и по лицу его текли блестящие струйки пота. Глоток за глотком поглощая огненное вино, как если бы это была простая вода, он спросил Карабеллу:

– Они обратили внимание? Они хоть что-нибудь видели?

– Некоторые, – мягко ответила она.

Слит плюнул.

– Свиньи! Блавы! Сами не могут даже комнату пересечь, а сидят и болтают, когда артист... когда...

Валентин никогда еще не видел Слита таким. «Судя по всему, жонглирование вслепую плохо сказывается на нервах», – подумал он и обнял Слита за плечи.

– Важно мастерство, а не манеры зрителей, – сказал он серьезно. – Ты был превосходен.

– Не совсем, – угрюмо буркнул Слит. – Синхронность...

– Отличная, – настаивал Валентин. – Ты выступил великолепно! Ты был величествен. Какое тебе дело, что говорят или делают пьяные торговцы? Ты овладел этим искусством ради себя или ради них?

Слит слабо улыбнулся:

– Жонглирование вслепую захватывает тебя до глубины души.

– Мне грустно видеть тебя таким.

– Пройдет. Мне уже лучше.

– Ты сам себе придумал эту боль. Глупо так расстраивать себя. Повторяю: ты был великолепен, а все остальное не имеет значения. – Он повернулся к Шанамиру: – Сбегай на кухню, нет ли там для нас мяса и хлеба. Слит очень устал, ему надо подкрепиться. Одного огненного вина недостаточно.

Напряжение и злость Слита уже ушли, осталась только усталость. Он протянул руку Валентину.

– У тебя теплая и добрая душа, Валентин, светлая и нежная.

– Твоя боль ранила меня.

– Впредь постараюсь сдерживать свои эмоции, – пообещал Слит. – Но ты прав: мы жонглируем для себя, а все эти не стоят нашего внимания. Я не должен забывать об этом.

В Пидруиде Валентин видел жонглирование вслепую еще дважды, и каждый раз Слит сходил с подмостков напряженным и обессиленным. Он понимал, что усталость Слита не зависела от внимания зрителей: это была адски тяжелая работа, вот и все. И цена, которую платил маленький человек за свое умение, была слишком большой. Валентин старался как мог облегчить его состояние, успокоить и сам получал от этого удовлетворение.

Еще дважды Валентин видел темные сны. Один раз к нему явился понтифекс и позвал его в Лабиринт. Он вошел туда и увидел множество проходов и непонятных улиц. Изображение тощего старого Тиевераса плыло перед ним, ведя его к центру. Наконец он зашел довольно далеко вглубь громадного Лабиринта. Понтифекс вдруг исчез, и Валентин остался один в зеленовато-холодной пустоте. Все опоры исчезли, и он начал падать к центру Маджипура.

В другом сне проезжавший на своей колеснице через Пидруид корональ поманил его к себе и предложил сыграть в игровой палатке. Они метали диск, сбивали фишки и выиграли

связку белых пальцевых суставов, а когда Валентин спросил, чьи это кости, лорд Валентин засмеялся, дернул себя за густую черную бороду, устремил на Валентина свой горящий взгляд и сказал:

– Посмотри на свои руки.

И Валентин увидел вместо пальцев розовые шрамы.

Валентин рассказал об этих снах Слиту и Карабелле, и они опять не смогли истолковать их, а лишь посоветовали, как только они покинут Пидруид, обратиться к какой-нибудь жрице мира снов. Отъезд был неминуем. Фестиваль закончился, корабли короля ушли из гавани, дороги были забиты, так как люди из провинции возвращались по домам. Залзан Кавол торопил свою труппу закончить все дела в Пидруиде, чтобы двинуться в путь в День моря после полудня.

Это известие почему-то опечалило Шанамира, и Валентин заметил, как изменилось настроение мальчика.

– Я думал, ты будешь рад отправиться в путь. Тебе не хочется покидать город?

Шанамир покачал головой.

– Я ушел бы отсюда хоть сейчас.

– Тогда в чем дело?

– Прошлой ночью я видел во сне отца и братьев.

Валентин улыбнулся:

– Еще не выехал из своей провинции, а уже тоскуешь по дому?

– Это не тоска по дому, – мрачно возразил мальчик. – Они лежали на дороге связанные, а я вел животных. Отец и братья кричали мне, чтобы я помог им, а я ехал прямо на них. Тут и без толкователя снов ясно, что это означает.

– Значит, на тебе вина, что ты бросил свои обязанности и дом?

– Вина? Да. Деньги! – ответил Шанамир.

В его голосе слышалось раздражение мужчины, объясняющего что-то тупому ребенку. Он похлопал себя по поясу:

– Деньги, Валентин. У меня тут около ста шестидесяти реалов от продажи животных. Разве ты забыл? Это целое состояние. Их хватит моей семье, чтобы прожить весь этот год и часть следующего! Они ждут моего благополучного возвращения в Фалкинкип с этими деньгами.

– А разве ты собирался не отдавать им эти деньги?

– Но меня же нанял Залзан Кавол! А вдруг он направляется в другую сторону? Если я повезу деньги домой, то потом не найду вас, когда вы будете странствовать по Зимроэлю. А если я пойду с жонглерами, я украду деньги моего отца, на которые он рассчитывает и в которых нуждается. Понял?

– Это решается довольно просто, – сказал Валентин. – Фалкинкип далеко отсюда?

– Дня два, если ехать быстро, три – если не торопиться.

– Это близко. Я уверен, что Залзан Кавол еще не определил наш маршрут окончательно. Я поговорю с ним прямо сейчас. Ему все равно, в какой город ехать. Я попрошу его отправиться отсюда по фалкинкипской дороге. Когда мы окажемся поблизости от фермы твоего отца, ты удерешь ночью, отдашь деньги кому-нибудь из братьев и до рассвета вернешься. Тогда на тебе не будет вины, и ты будешь свободен.

Глаза Шанамира округлились.

– Ты думаешь, что сможешь уговорить этого скандара? Как?

– Посмотрим.

– Он разозлится и побьет тебя, если ты его о чем-нибудь попросишь. Он не любит, когда вмешиваются в его планы, как и ты не позволил бы стаду благов решать твои дела.

– Я поговорю с ним, – повторил Валентин, – и увидим. У меня есть основания считать, что Залзан Кавол вовсе не так груб, как хочет казаться. Где он?

– Осматривает свой фургон, готовит его для поездки. Ты знаешь, где стоит фургон?

– Где-то на берегу. Да. Знаю.

Жонглеры путешествовали в отличном фургоне, который сейчас стоял за несколько кварталов от гостиницы, поскольку был слишком широк, чтобы на нем можно было проехать по узким улицам. Это был внушительный, дорогой экипаж, благородный и величественный, отлично сработанный мастерами одной из внутренних провинций. Его основу составляла длинная рама из легких, упругих деревянных крыльев, которые были искусно разрезаны на широкие, выгнутые дугой полосы, склеенные бесцветным душистым клеем и переплетенные гибкими лозами с южных болот. Эту элегантную арматуру покрывали туго натянутые и прошитые толстыми желтыми нитками из хрящеватых жил пластины выдубленной кожи стиков.

Подойдя к фургону, Валентин увидел Ерфона Кавола и другого скандара, Гибора Хаэрна. Они старательно смазывали механизмы фургона, а изнутри доносились яростные крики, такие громкие, что фургон, казалось, качался.

– Где ваш брат? – спросил Валентин.

Гибор Хаэрн угрюмо мотнул головой в сторону фургона.

– Неподходящее время, чтобы впереться туда.

– У меня дело.

– А у него свое дело, – сказал Ерфон Кавол, – с вороватым маленьким колдуном, которому мы платили, чтобы он указывал нам путь по провинциям, и который отказался от работы как раз сейчас, когда мы собираемся уехать из Пидруида. Войди, если хочешь, но ты пожалеешь об этом.

Злобные крики в фургоне перешли в вопли. Дверь неожиданно распахнулась, и оттуда выскочил крошечный ссохшийся старый вруун, маленькое, как кукла, существо в легких перьях, с клейкими щупальцами, тускло-зеленой кожей и громадными золотыми глазами, в которых сейчас горел страх. На щеке возле клюва-рта виднелось пятно желтой крови.

Через секунду в дверях появился Залзан Кавол. От гнева шерсть у него стояла дыбом. Беспорядочно размахивая широкими, похожими на корзины руками, он крикнул братьям:

– Хватайте его! Не давайте ему уйти!

Ерфон и Гибор тяжело поднялись и загородили дорогу врууну. Маленькое существо, пойманное в ловушку, в ужасе остановилось, резко развернулось и ткнулось в колени Валентину.

– Лорд, – бормотал он, вцепившись слабыми щупальцами в Валентина, – защити! Он обезумел и в своей злобе убьет меня!

– Держи его, Валентин, – приказал Залзан Кавол и шагнул вперед.

Валентин толкнул испуганного врууна за спину и твердо взглянул в лицо Залзана Кавола.

– Умерь свой пыл, если можешь. Если ты убьешь этого врууна, мы все застрянем в Пидруиде навеки.

– Я не собираюсь его убивать, – рявкнул Залзан Кавол. – Мне совершенно ни к чему многолетние отвратительные послания.

– Он не хочет меня убивать, он хочет только ударить меня со всей силы об стену, – дрожащим голосом выдал из себя вруун.

– Из-за чего ссора? Может, я могу стать посредником?

Залзан Кавол нахмурился:

– Этот спор тебя не касается, Валентин. Убирайся отсюда.

– Мне лучше остаться и подождать, пока ты успокоишься.

Глаза Залзана Кавола вспыхнули. Он подошел к Валентину настолько близко, что тот почувствовал усиленный злобой запах грубой шерсти скандара. «Он запросто может швырнуть об стену нас обоих», – подумал Валентин.

Ерфон и Гибор держались в стороне. Судя по всему, они никогда еще не видели, чтобы их брату выказывалось такое неповиновение. Некоторое время все молчали. Кулаки Залзана Кавола конвульсивно сжимались, но он не двигался с места. Наконец он заговорил:

– Этот вруун – колдун Аутифон Делиамбер. Я нанял его, чтобы он показывал мне внутренние дороги и охранял нас от происков меняющих форму. Всю эту неделю он праздновал в Пидруиде за мой счет, а теперь, когда нам пора ехать, говорит, чтобы я искал другого проводника, что он потерял интерес к странствиям. Так-то ты выполняешь контракт, колдун?

– Я стар и слаб, – ответил вруун, – мое колдовство утрачивает силу, и, мне кажется, я иной раз забываю дорогу. Но, если ты все еще хочешь, я буду сопровождать тебя, как обещал прежде, Залзан Кавол.

Скандар был ошеломлен:

– Что?!

– Я передумал, – вежливо сказал Аутифон Делиамбер.

Он отцепился от ног Валентина, вышел вперед и уставился на огромного скандара, сгибая и разгибая щупальца, как будто страхивал с них страшное напряжение.

– Я буду выполнять свой контракт.

Залзан Кавол растерянно проговорил:

– Всего полтора часа назад ты клялся, что останешься в Пидруиде, отвергал все мои просьбы, не обращая внимания даже на угрозы, и привел меня в такую ярость, что я готов был стереть тебя в порошок – на свою беду, потому что мертвые колдуны приносят несчастье и Король Снов страшно покарал бы меня за это. Ты упрямо отказывался от контракта и говорил, чтобы я искал другого проводника, а теперь ты вдруг все переиграл!

– Да.

– Не будешь ли ты так любезен объяснить мне почему?

– Причины нет, – ответил вруун, – кроме разве того, что этот молодой человек мне понравился, я восхищен его мужеством, добротой и теплом его души, и, раз он едет с тобой, я тоже поеду. Только из-за него. Все дело только в этом. Твое любопытство удовлетворено, Залзан Кавол?

Скандар заворчал, плюнул в раздражении и яростно зажестикублировал внешней парой рук. На миг показалось, что он сейчас снова взорвется приступом неуправляемой злобы и что он удерживается от этого с величайшим трудом. Наконец он рявкнул:

– Уходи с глаз моих, колдун, пока я все-таки не размазал тебя по стене. И да хранит Божество твою жизнь, если ты не будешь здесь сегодня после обеда, чтобы ехать с нами.

– В два часа пополудни, – уточнил Аутифон Делиамбер. – Я буду вовремя, Залзан Кавол. – И, обращаясь к Валентину, добавил: – Я полагаю, ты мой защитник. Я в долгу перед тобой и расплачусь скорее, чем ты думаешь. – С этими словами вруун быстро исчез.

Помолчав, Залзан Кавол произнес:

– С твоей стороны глупо было вставать между нами, Валентин. Это могло плохо кончиться.

– Я знаю.

– А если бы я изувечил вас обоих?

– Я чувствовал, что ты сумеешь обуздать свой гнев. Я был прав?

Залзан Кавол изобразил скандарский вариант улыбки.

– Я сдержал свою злость, это верно, но потому только, что ты поразил меня своим нахальством. Только мое удивление остановило меня. Еще минута, и если бы Делиамбер продолжал перечить мне...

– Но он согласился выполнить условия контракта, – перебил его Валентин.

– Это верно. Полагаю, я тоже у тебя в долгу. Поиски нового проводника могли задержать нас на несколько дней. Так что я благодарю тебя, – закончил Залзан Кавол с неуклюжей любезностью.

– Значит, ты мой должник?

Скандар внезапно выпрямился и с подозрением спросил:

– Так что?

– Мне нужна небольшая милость от тебя. Если я оказал тебе услугу, нельзя ли попросить об ответной?

– Продолжай, – ледяным голосом откликнулся Залзан Кавол.

Валентин сделал глубокий вдох.

– Мальчик Шанамир из Фалкинкипа. Прежде чем идти с нами, он должен выполнить важное поручение. Это дело семейной чести.

– Пусть едет в Фалкинкип, а потом догоняет труппу.

– Он боится, что не найдет нас.

– О чем же ты просишь, Валентин?

– Устрой так, чтобы наш путь прошел в нескольких часах езды от дома мальчика.

Скандар злобно взглянул на Валентина и прорычал:

– Сначала я услышал от своего проводника, что мой контракт ничего не стоит, потом ученик жонглера остановил меня, а теперь меня просят планировать мое путешествие в угоду семейной чести грума! На что это похоже?

– Если у тебя нет где-то важного ангажемента, – с надеждой сказал Валентин, – то Фалкинкип всего в двух-трех днях пути на север, а мальчик...

– Хватит! – заорал Залзан Кавол. – Наша дорога – на Фалкинкип. И больше никаких поблажек! Теперь убирайся. Ерфон, Хаэрн, фургон готов?

Глава 11

Фургон труппы Залзана Кавола был так же роскошен внутри, как и снаружи. Пол был из темных досок ночного дерева, отполированных до блеска и идеально подогнанных друг к другу. В задней части, предназначенной для пассажиров, со сводчатого потолка свисали изящные нити из сухих семян, украшенные кисточками, стены были покрыты замысловатой резьбой, пластинами из меха и полотнищами тонкой ткани. Здесь, хотя и не слишком свободно, могли разместиться пять или шесть скандаров.

Среднюю часть фургона занимал склад личных вещей, чемоданов, тюков и жонглерского оборудования, а в передней части на высокой открытой площадке находилось сиденье для того, кто управлял фургоном, достаточно широкое, чтобы на нем поместились два скандара или трое людей.

Хотя фургон был громадный и роскошный, вполне достойный герцога и даже короля, он был достаточно легкий, чтобы плыть на воздушной подушке, воздух для которой генерировался магнитными роторами, которые крутились в его чреве. Когда они работали, фургон поднимался примерно на фут над землей и легко двигался с помощью упряжных животных.

К полудню все вещи погрузили в фургон, и труппа отправилась в гостиницу обедать. Валентин опешил, увидев, что рядом с Залзаном Каволом усаживается хьорт Виноркис с намазанными оранжевой краской усами. Скандар стукнул по столу, требуя внимания, и объявил:

– Познакомьтесь с нашим новым управляющим. Это Виноркис. Он будет помогать мне вести книги, присматривать за нашим имуществом и управлять всеми хозяйственными делами, которые доселе были на мне.

– О нет! – прошептала Карабелла. – Он нанял хьорта! Этого страшили, который всю неделю паялился на нас!

Виноркис улыбнулся призрачной хьортской улыбкой, показав при этом тройной ряд жевательных хрящей, и оглядел всех выпученными глазами.

– Значит, ты всерьез решил присоединиться к нам? – обратился к нему Валентин. – А я думал, ты шутишь насчет жонглирования цифрами.

– Всем известно, что хьорты никогда не шутят, – серьезно ответил Виноркис и мерзко захохотал.

– А что будет с твоей торговлей шкурами хайгу?

– Я продал весь товар на рынке. Вспомнив о тебе, не знаящем, где ты будешь завтра, и не заботящемся об этом, я позавидовал такой жизни и подумал: «Неужели я так и буду до конца дней своих торговать шкурами хайгу или, может, попробовать какое-нибудь новое дело, например отправиться в путешествие?» И предложил свои услуги Залзану Каволу, когда услышал, что ему нужен помощник. И вот я здесь!

– Ты здесь, – мрачно сказала Карабелла. – Добро пожаловать!

После плотной еды стали готовиться к отъезду. Шанамир вывел из стойла четырех животных и ласково разговаривал с ними, пока скандары запрягали. Залзан Кавол взял вожжи, его брат Хейтраг сел рядом с ним, а Аутифон Делиамбер пристроился с краю. Шанамир ехал на собственном верховом животном. Валентин вместе с Карабеллой, Слитом, Виноркисом и четверью скандарами забрался в пассажирскую часть фургона. Все долго возились, пока не устроились так, что никто никому не мешал.

– Гей! – крикнул Залзан Кавол.

Фургон двинулся через ворота Фалкинкипа к главному тракту, по которому неделю назад, в День луны, Валентин вошел в Пидруид.

Дневная жара еще не спала, и воздух был плотным и влажным.

Прекрасные цветы огненных пальм уже начали увядать, и дорога, как малиновым снегом, была усыпана опавшими лепестками. В фургоне было несколько окон – прочных пластин из кожи стика отличного качества, тщательно подогнанных и абсолютно прозрачных. В удивительно торжественной тишине Валентин смотрел, как исчезает Пидруид – громадный город с одиннадцатью миллионами жителей, где он жонглировал перед короналем, пил незнакомое вино, ел пряную пищу и провел фестивальную ночь в объятиях черноволосой Карабеллы.

Сейчас перед ним лежала открытая дорога, и кто знает, что ждет путешественников, какие приключения?

У него не было планов. Он жаждал снова жонглировать, освоить новое искусство, перестать считаться учеником и вместе с Карабеллой и Слитом исполнять самые сложные трюки, может быть, даже жонглировать со скандарами. Слит говорил ему, что такое по силам только мастеру, потому что четыре руки скандаров дают им неоспоримое преимущество перед человеком. Но Валентин видел, как Слит и Карабелла перебрасывались со скандарами, и когда-нибудь, возможно, то же самое сделает и он. «Высокая цель!» – подумал он. А чего еще мог он желать, кроме как стать мастером и завоевать право жонглировать с Залзаном Каволом и его братьями?

– Ты вдруг стал выглядеть таким счастливым, Валентин, – заметила Карабелла.

– Я?

– Как солнце. Просто сияешь. От тебя исходят потоки света.

– Это все из-за желтых волос, – усмехнулся он добродушно.

– Нет-нет. Внезапная улыбка...

Он положил ладонь на ее руку.

– Я думал о дороге впереди, о свободной, приятной жизни. Странствовать по Зимроэлю, останавливаться, чтобы дать представление, разучивать новые трюки. Я хочу стать самым лучшим жонглером-человеком на Маджипуре.

– У тебя для этого есть все возможности, – вмешался Слит, – огромные природные способности. Тебе нужна только тренировка.

– В этом я рассчитываю на тебя и Карабеллу.

– А пока ты думал о жонглировании, я думала о тебе, – тихо шепнула Карабелла.

– И я думал о тебе, – наклонившись к ней поближе, так же шепотом ответил он, – но стеснялся говорить об этом вслух.

Дорога пошла вверх, на большое плато. Фургон поднимался медленно. Иногда повороты были настолько крутыми, что он запросто мог перевернуться, но Залзан Кавол был таким же искусным возницей, как и жонглером.

Скоро они достигли вершины гребня. Пидруид был виден отсюда как на ладони – плоский, похожий на нарисованную карту, он упирался прямо в берег. Воздух наверху был суше, но значительно холоднее, несмотря на то что послеполуденное солнце испускало горячие лучи.

На эту ночь они остановились в пыльной деревушке на фалкинкипской дороге.

Едва Валентин улегся на соломенный матрас, пришел тревожный сон. Валентин снова находился среди властителей Маджипура. В одном конце громадного холла с каменным полом сидел на троне понтифекс, а в другом конце – корональ. С потолка, словно маленькое солнце, испускавшее безжалостное белое сияние, взирал на происходящее страшный глаз света. Валентин нес какое-то послание от Хозяйки Острова Сна, но не знал, кому его отдать – понтифексу или короналю, и к кому бы из властителей он ни приближался, тот отступал в бесконечность. Всю ночь он ходил взад и вперед по холодному скользкому полу, умоляюще протягивая руки то к понтифексу, то к короналю, но они уплывали.

На следующую ночь в городке неподалеку от Фалкинкипа он снова увидел во сне понтифекса и короналя. Сон был очень сложным и запутанным, и Валентин сохранил в памяти

только впечатление грозных королевских персонажей, громадных помпезных собраний и тишину. Он проснулся с ощущением глубокого и болезненного недовольства. Сны явно имели великое значение, но он не находил им объяснения.

– Властители преследуют тебя и не оставят в покое, – сказала утром Карабелла. – Похоже, ты связан с ними неразрывными нитями. Это ненормально – все время видеть во сне таких могущественных особ. Уверена, что это послания.

Валентин кивнул.

– В жаркий день мне кажется, что я ощущаю, как холодные руки Короля Снов сжимают мне виски, а когда закрываю глаза, его пальцы вонзаются в мою душу.

В глазах Карабеллы вспыхнула тревога:

– Ты уверен, что это его послания?

– Нет, не уверен, но думаю...

– Может быть, Хозяйка...

– Мне всегда казалось, что Хозяйка посылает добрые, мягкие сны, – возразил Валентин. – Боюсь, эти – от Короля. Но что он от меня хочет? Какое преступление я совершил?

Она нахмурилась.

– Ты обещал сходить в Фалкинкипе к толкователю.

– Да, я повидаюсь с кем-нибудь.

В разговор неожиданно вмешался Аутифон Делиамбер:

– Могу ли я дать совет?

Валентин не заметил, как подошел маленький колдун-вруун, и с удивлением посмотрел вниз.

– Извини, – не смущаясь, сказал колдун, – я подслушал случайно. Ты думаешь, тебя тревожили послания?

– Эти сны не могут быть ничем иным.

– Ты уверен?

– Я ни в чем не уверен, даже в собственном имени или в том, какой сегодня день недели.

– Послания редко бывают двусмысленными. Когда говорит Король или Повелительница Снов, сомневаться не приходится, – ответил Делиамбер.

Валентин покачал головой.

– Все эти дни моя голова как в тумане. Я ни в чем не уверен. Но эти сны раздражают меня. Мне нужен ответ, хотя я даже не знаю, как сформулировать вопрос.

Вруун потянулся вверх и одним из своих тонких, хитро переплетенных щупалец взял Валентина за руку.

– Доверься мне. Твой мозг, может быть, и затуманен, но мой – нет, и я отчетливо вижу тебя. Мое имя Делиамбер, твое – Валентин, сегодня пятый день девятой недели лета, и в Фалкинкипе есть толковательница снов Тизана – она мой друг и союзница. Она поможет тебе найти правильный путь. Иди к ней и скажи, что я шлю ей приветствия и любовь. Настало время начать освобождаться от вреда, причиненного тебе, Валентин.

– Вреда? Какого вреда?

– Иди к Тизане, – твердо повторил Делиамбер.

Валентин нашел Залзана Кавола, который разговаривал с кем-то из городка. Он как раз закончил беседу и повернулся к Валентину.

– Я прошу разрешения, – сказал Валентин, – провести ночь Звездного дня не с трупой, а в Фалкинкипе.

– Это тоже дело семейной чести? – язвительно спросил Залзан Кавол.

– Личное. Можно?

Скандар пожал всеми четырьмя плечами.

– В тебе есть что-то странное, и это беспокоит меня. Делай как хочешь. Завтра мы даем представление на ярмарке. Спи где хочешь, но рано утром в День солнца будь готов. Ладно?

Глава 12

По сравнению с громадным Пидруидом Фалкинкип оказался довольно заурядным, но в то же время отнюдь не незначительным местным центром. Он был метрополией обширного и достаточно важного сельскохозяйственного района.

Население Фалкинкипа насчитывало около трех четвертей миллиона, и впятеро больше людей жили в прилегающих пригородах. Но ритм его жизни, как заметил Валентин, отличался от того, который был свойствен Пидруиду. Жители Фалкинкипа двигались неторопливо и казались более осмотрительными и флегматичными. Возможно, причина состояла в том, что город располагался на сухом высоком плато, а не вдоль влажного побережья с мягким климатом.

В Звездный день мальчик Шанамир скрывался от всех. Он и в самом деле побывал ночью на ферме своего отца, расположенной в нескольких часах ходьбы от города. Утром он рассказал Валентину, что оставил деньги, заработанные в Пидруиде, и записку, сообщавшую, что уходит искать приключений и мудрости, и ухитрился удрать так, что его никто не заметил. Но он боялся, что отец вряд ли легко отнесется к потере пары ловких и столь необходимых рабочих рук и будет его искать. Поэтому Шанамир решил прятаться в фургоне до тех пор, пока они не покинут Фалкинкип. Валентин объяснил это Залзану Каволу, и тот со своим обычным хмурым видом согласился.

После полудня жонглеры появились на городской ярмарке. Впереди шли Слит и Карабелла. Он бил в барабан, она звенела тамбурином и весело пела:

Не жалейте реала, не жалейте и кроны,
Приходите, смотрите, добрые люди.
Невесомость и радость – жонглера законы,
Ловкость рук вам сегодня показывать будем!
Не жалейте ни дюйма, не жалейте ни мили,
Посмотрите, как весело публика входит,
Как танцуют над нами мячи и бутылки,
Как ножи и дубинки мелькают в полете.
Не жалейте минуты, не жалейте и часа,
Мы прогоним от вас ваши беды, заботы!
Последите за ловкостью нашего паса,
Отдохните-ка с нами от трудной работы!

Но Валентину в этот день не было ни легко, ни радостно, и он жонглировал слабо. Его извели бесконечные тревожные сны. К тому же его подвела самонадеянность, и он допустил промах – дважды ронял дубинки. Но Слит научил его делать вид, что так и должно быть, и публика, похоже, простила. Но простить самого себя было трудно. Мрачный, он пошел в винную палатку, а подмости заняли скандары.

Валентин издали смотрел на их работу. Шесть огромных косматых созданий сплетали свои двадцать четыре руки в точном, без изъянов, рисунке. Каждый жонглировал семью ножами. Это производило неизгладимое впечатление – зрители замирали, следя за непрерывным обменом острым оружием. Мирные горожане Фалкинкипа были очарованы.

Наблюдая за скандарами, Валентин все сильнее переживал из-за собственного неудачного выступления. После Пидруида он мечтал снова выйти на публику, руки его тянулись к мячам и дубинкам, а когда настал его час, он работал так неуклюже. Ну ладно, что уж теперь об этом...

Будут другие рыночные площади, другие ярмарки. Год за годом труппа будет странствовать по Зимроэлю, и он, Валентин, еще блеснет, ослепит зрителей, они станут вызывать Валентина-жонглера, будут требовать еще и еще, и сам Залзан Кавол почернеет от зависти. Король жонглеров, да, монарх, корональ бродячих артистов! А почему бы и нет? У него талант.

Валентин улыбнулся. Благодаря то ли ли вину, то ли приятным мыслям дурное настроение покинуло его. Он занялся этим искусством всего неделю назад, а посмотрите, чего уже достиг! Кто знает, какие чудеса ловкости он покажет через год-два?

К нему подошел Аутифон Делиамбер.

– Тизану найдешь на улице Продавцов Воды, – сказал маленький колдун. – Она ждет тебя.

– Значит, ты говорил ей обо мне?

– Нет.

– Но раз она ждет меня... Или здесь замешано колдовство?

– Вроде того. – Вруун подергал щупальцами, что означало пожатие плеч. – Иди к ней скорее.

Валентин кивнул. Скандары закончили свое выступление, и теперь Слит с Карабеллой демонстрировали жонглирование одной рукой.

«Как они элегантно двигаются вместе, – подумал Валентин, – как они спокойны, уверены друг в друге... и как она красива».

Валентин и Карабелла не были близки с той фестивальной ночи, хотя иногда и спали бок о бок. Вот уже неделя, как он избегал ее, хотя с ее стороны видел только тепло и поддержку. Сны отнимали все силы и не позволяли думать о чем-либо другом. Сейчас – к Тизане за толкованием, а завтра, может быть, он снова обнимет Карабеллу...

– Улица Продавцов Воды? – переспросил он Делиамбера. – Отлично. На ее жилище есть какой-нибудь знак?

– Спросишь, – ответил Делиамбер.

Вечером, едва Валентин вышел, из-за фургона появился Виноркис.

– На ночь глядя в город?

– По делу.

– Компания не нужна? – Хьорт хрипло засмеялся. – Можем вместе пошляться по тавернам. Я бы не прочь удрать на несколько часов от всего этого жонглерства.

– Есть дела, которые каждый должен делать в одиночку, – неохотно ответил Валентин.

Виноркис внимательно посмотрел на него:

– Не очень-то ты любезен.

– Извини, но у меня дело именно такое: я должен сделать его один. И, будь уверен, я не пойду шляться по тавернам.

Хьорт пожал плечами.

– Ладно. Пусть так. Мне все равно. Я просто хотел помочь тебе повеселиться, показать город, сводить в мои любимые места...

– В другой раз, – быстро сказал Валентин и зашагал к Фалкинкипу.

Найти улицу Продавцов Воды оказалось несложно: город строился по плану, в нем не было средневековой путаницы переулков, как в Пидруиде, и на всех основных перекрестках висели ясные и понятные карты города, но найти дом толковательницы снов Тизаны оказалось труднее, потому что улица была длинной, а прохожие, к которым обращался Валентин, просто указывали через плечо на север.

Он долго шел и наконец добрался до маленького серого, крытого дранкой дома в жилом квартале далеко от рыночной площади. На его старой двери были изображены два символа власти: Скрещенные молнии Короля Снов и Треугольник в треугольнике – эмблема Хозяйки Острова Сна.

Тизана была крепкой немолодой женщиной, необычайно высокой и тяжеловесной, с широким строгим лицом и внимательными глазами. Густые распущенные волосы, черные с белыми прядями, закрывали спину. На ней был серый комбинезон, оставлявший открытыми крепкие мускулистые руки. Она производила впечатление очень сильной и мудрой личности.

Тизана приветствовала Валентина, назвав его по имени, и пригласила в дом.

– Я принес тебе, как ты уже, вероятно, знаешь, привет и любовь от Аутифона Делиамбера, – сказал он.

Толковательница снов серьезно кивнула.

– Да, он послал известие заранее, такой шельмец! Но я ценю его любовь, несмотря на все его фокусы. Передай ему от меня то же самое.

Она прошла по маленькой темной комнате, задернула шторы и зажгла три толстые красные свечи и какую-то курильницу. Обстановки в комнате почти не было, только очень ворсистый тканый ковер в серых и черных тонах, массивный деревянный стол, на котором горели свечи, и высокий гардероб в античном стиле. Делая приготовления, Тизана рассказывала:

– Я знаю Делиамбера почти сорок лет – можешь ты себе такое представить? Мы встретились в начале правления Тиевераса на фестивале в Пилиплоке, когда в город приехал новый корональ – лорд Малибор, который потом утонул, охотясь на морских драконов. Маленький вруун и тогда уже был хитрецом. Мы стояли на улице, приветствуя лорда Малибора, и Делиамбер вдруг произнес: «Ты знаешь, он умрет раньше понтифекса» – да так уверенно, как будто предсказал дождь, когда подул южный ветер. Страшное дело – говорить так, и я сказала ему об этом. И вот удивительно: корональ умер, а понтифекс живет и живет. Сколько же ему теперь лет? Сто? Сто двадцать?

– Не имею представления, – ответил Валентин.

– Он очень стар. Прежде чем войти в Лабиринт, он долгое время был короналем. И после него правили уже три короналя, представляешь? Интересно, переживет ли он и лорда Валентина? – Ее взгляд остановился на Валентине. – Полагаю, Делиамбер знает и это. Выпьешь вина со мной?

– Да, – кивнул Валентин.

Он чувствовал себя неловко от ее непонятного обхождения и от ощущения, что ей известно о нем больше, чем ему самому.

Тизана достала резной каменный графин и щедро налила в два стаканчика, но не огненного вина Пидруида, а более темного, густого, сладкого, с привкусом мяты, имбиря и еще чего-то. Он быстро сделал глоток, затем другой, а через секунду она небрежно сказала:

– Кстати, в нем наркотик.

– Наркотик? Зачем?

– Для толкования.

– А... Ну да.

Собственная неосведомленность приводила его в замешательство. Он нахмурился и уставился в свой стаканчик. Вино было темно-красным, почти пурпурным, и в нем отражалось его искаженное светом свечей лицо. Интересно знать, что это за процедура? Попросит ли его Тизана рассказать о своих снах? Посмотрим. Он быстрыми глотками допил вино, и женщина тут же вылила в его стакан свое, которого едва коснулась.

– Сколько времени прошло с последнего толкования? – спросила она.

– Боюсь, очень много.

– Судя по всему, да. А теперь отдай мой гонорар. Цена теперь несколько выше той, которую ты помнишь.

Валентин потянулся за кошельком.

– Это было так давно...

– ...что ты забыл. Сейчас я прошу десять крон. Знаешь, новые налоги и прочие неприятности. Во времена лорда Вориакса цена была пять крон, а когда я только начинала толковать сны, при лорде Малиборе, я брала две или две с половиной. Десять крон для тебя слишком дорого?

Это было его недельное жалованье у Залзана Кавола, не считая стола и ночлега. Но он пришел в Пидруид с полным кошельком, сам не зная, откуда взялись эти деньги. Там было около шестидесяти реалов, и осталось еще много. Он дал толковательнице реал, и она небрежно бросила его в зеленую фарфоровую чашку на столе. Он зевнул. Тизана не сводила с него пристального взгляда. Валентин выпил еще, она сделала то же и снова наполнила стаканчики. Мозг Валентина все больше затуманивался. Хотя ночь еще только начиналась, он почти засыпал.

– А теперь иди к сонному ковру, – велела она и погасила две свечи из трех.

Тизана сняла с себя комбинезон и осталась совершенно обнаженной. Этого он не ожидал. Неужели толкование снов включает в себя какой-то сексуальный контакт? С этой старухой? Правда, сейчас она не казалась старой: ее тело выглядело лет на двадцать моложе лица – конечно, не девичье, но еще крепкое, пышное, без складок, с упругой грудью и крепкими гладкими бедрами. «Может, эти толковательницы что-то вроде священных проституток?» – подумал Валентин.

Тизана сделала ему знак раздеться, и он выполнил ее приказание. Они легли в полумраке на толстый, мягкий ковер, и она обняла Валентина, но в этом не было абсолютно ничего эротического: ее объятия были материнскими, всепоглощающими. Валентин расслабился, положив голову на мягкую, теплую грудь, и ему очень хотелось спать. От нее исходил сильный и острый приятный аромат сучковатых игольчатых деревьев, которые растут на высоких пиках севера как раз ниже линии снега. Это был чистый и живительный запах.

– В королевстве снов существует только язык правды. Не бойся, потому что мы отплывем туда вместе, – тихо произнесла Тизана.

Валентин закрыл глаза.

Высокие пики как раз ниже линии снега. Свежий ветер обдувает скалы, но Валентину совершенно не холодно, хотя он идет босиком по сухой каменистой почве. Перед ним дорога – наклонная тропа с уступами, с широкими серыми плитами, составляющими лестницу. Она ведет в покрытую туманом долину. Валентин без колебаний начинает спускаться. Он знает, что это еще не сон, а только прелюдия, что он только приступает к своему ночному путешествию и пока еще находится на пороге сна. Он проходит мимо поднимающихся навстречу ему по лестнице фигур, знакомых по недавним снам. Понтифекс Тиеверас с пергаментной кожей и высохшим лицом слегка пошатывается на дрожащих ногах, лорд Валентин, корональ, идет размеренным, широким шагом, покойный лорд Вориакс безмятежно плывет прямо над ступенями, великий воин-корональ лорд Стиамот из восьмимысячелетнего прошлого размахивает мощным посохом, на конце которого крутятся яростные молнии. А это, кажется, понтифекс Ариок, который отказался от Лабиринта, объявил себя женщиной и стал Хозяйкой Острова Сна. Вот великий правитель лорд Конфалюм и столь же великий лорд Престимион, его наследник, во время правления которых Маджипур достиг вершин богатства и силы. Следом идут Залзан Кавол и позади него колдун Делиамбер, Карабелла, нагая, орехово-коричневая, брызжащая неиссякаемой энергией, и задыхающийся Виноркис, и Слит, жонглирующий на ходу огненными шарами, и Шанамир, и лиимен, торговец сосисками, и нежная Хозяйка Острова Сна, и снова старый понтифекс, и корональ, и музыканты, и двадцать хьортов несут на золотых носилках Короля Снов, страшного Симонана Барджазида. Чем ниже, тем гуще становится туман, и дыхание Валентина становится прерывистым и болезненным, словно он не спускается с высоты, а, наоборот, все время поднимается, со страшным трудом прокладывая себе путь над

линией игольчатых деревьев среди гранитных щитов высоких гор, босиком по обжигающим полосам снега, закутанный в серое одеяло тумана, который закрывает от него весь Маджипур.

В небе слышна теперь благородная строгая музыка. Ансамбли духовых инструментов играют торжественные и печальные мелодии, полагающиеся при церемонии одевания короля. И в самом деле, Валентина одевают: десяток согнувшихся слуг возлагает на него официальную мантию и звездную корону, но он качает головой, отталкивает слуг, своими руками снимает корону и протягивает ее своему брату, тому, у которого была страшная сабля, срывает с себя нарядную одежду и раздает лоскуты от нее беднякам, которые обматывают ими ноги. По всем провинциям Маджипура разносится весть, что он отказывается от своего высокого назначения и от какой-либо власти. И снова он на каменных ступенях, спускается с горы и в недостижимой дали ищет долину туманов.

– Почему ты идешь вниз? – спрашивает Карабелла.

Она загораживает ему дорогу. Но он не знает, что ей ответить, а когда маленький Делиамбер указывает вверх, он смиренно пожимает плечами и начинает новый подъем по полям блестящих красных и голубых цветов, по золотой траве между высокими зелеными кедрами. Валентин чувствует, что поднимается, спускается и вновь поднимается не на обычный пик, а к самому Горному замку, который уходит на тридцать миль в небо. Его цель – это приводящее в смятение, превосходящее все когда-либо существовавшие, сооружение на вершине горы, место, где живет корональ, Замок, который называется Заком лорда Валентина, а раньше назывался Заком лорда Вориакса, а еще раньше – Заком лорда Малибора, а до этого носил имена других великих лордов, которые правили оттуда. Каждый вносил свой вклад в строительство Замка и давал ему свое имя, пока жил в нем, каждый, начиная с лорда Стиамота, завоевателя метаморфов, первого обитателя Горного замка: он построил скромную башню, положившую начало всему остальному. «Я снова завладею Заком, – говорит себе Валентин, – и буду жить в нем».

Но что это? Тысячи работников разбирают огромное сооружение. Работы идут полным ходом. Все внешние крылья уже отделены, опоры и арки, построенные лордом Вориаксом, зал трофеев лорда Малибора и огромная библиотека, которую построил Тиеверас, пока был короналем, и многое другое превратилось в груды камня и кирпича, аккуратно уложенные на склонах Горы. А рабочие уже пробиваются внутрь, к более древним постройкам, к садам лорда Конфалюма, к оружейной лорда Деккерета, к сводчатому помещению архива лорда Престимиона, уничтожая все на своем пути, как саранча на полях.

– Подождите! – кричит Валентин. – Не делайте этого! Я вернулся, я снова надену мантию и корону!

Но разрушение продолжается, и кажется, что замок сделан из песка и прибой ворвался в него.

Нежный голос произносит:

– Поздно, слишком поздно, чрезмерно поздно!

Дозорной башни лорда Ариока больше не существует, и парапеты лорда Тимина исчезли, и обсерватория лорда Кинникена со всей аппаратурой пропала, и вся Замковая гора дрожит и качается, поскольку снос Замка нарушил ее равновесие, и рабочие теперь отчаянно бегают с кирпичами в руках в поисках мест, где их можно сложить, и настала страшная вечная ночь, и зловещие звезды корчатся в небе, и механизмы, отводившие космический холод от вершины Горного замка, сломались, и теплый воздух ушел к лунам, и из глубин планеты раздается рыдание... Валентин стоит среди этого разрушения и начинающегося хаоса, протягивая в темноту руки...

Следующее, что он увидел, был утренний свет. Валентин заморгал и сел, гадая, в какой это гостинице он оказался и чем он занимался всю прошедшую ночь. Почему он лежит голый

на толстом ковре в теплой незнакомой комнате и кто эта старая женщина, которая ходит тут и, похоже, готовит чай?

Да это толковательница снов Тизана! И это улица Продавцов Воды в Фалкинкипе!..

Нагота смущала его. Он встал и быстро оделся.

– Выпей это, – сказала Тизана, – а я приготовлю что-нибудь на завтрак, раз ты окончательно проснулся.

Он с подозрением взглянул на кружку, которую она ему протягивала.

– Это только чай, – успокоила она его, – и ничего больше. Сейчас не время для сновидений.

Пока она хлопотала в маленькой кухне, Валентин выпил чай. В голове у него творилось что-то странное, словно он напился до беспамятства и теперь расплачивался за это. Он помнил, что всю ночь ему снились невероятные сны, но не ощущал боли и тяжести, с которыми пробуждался в предыдущие дни, а только оцепенение, удивительное внутреннее спокойствие, почти пустоту. Быть может, именно за этим ему и следовало прийти к толковательнице? Он так мало знал, что чувствовал себя ребенком, потерявшимся в огромном и сложном мире.

Они ели молча. С противоположного конца стола Тизана бросала на Валентина проницательные взгляды.

Ночью, до того как наркотик начал действовать, она была куда более разговорчива, а теперь выглядела подавленной, задумчивой, почти отсутствующей, как будто ей необходимо было отстраниться от него, пока она готовилась истолковать его сон.

Вымыв посуду, Тизана спросила:

– Как ты себя чувствуешь?

– Внутренне спокоен.

– Хорошо. Это очень важно. Уходить от толкователя снов в тревоге – напрасная трата денег. Но я не сомневаюсь: у тебя сильный дух.

– Да?

– Сильнее, чем ты думаешь. Превратности судьбы, которые раздавили бы обычного человека, на тебя не повлияли. Ты не обращаешь внимания на бедствия и спокойно смотришь в лицо опасности.

– Твои слова слишком туманны.

– Я оракул, а оракулы никогда не говорят совершенно ясно.

– Мои сны – это послания? Хоть это ты можешь мне сказать?

Она задумалась.

– Я не вполне уверена.

– Но ты же разделила их со мной! Разве ты не можешь сразу понять, от кого они – от Повелительницы Снов или от Короля?

– Тихо, тихо. Все не так просто, – замахала на него руками Тизана. – Твои сны не от Повелительницы, это точно.

– Но если это послания, то, значит, они от Короля?

– Трудно сказать. В какой-то мере аура Короля присутствует, верно, но не аура посланий. Я знаю, тебе это трудно понять, да и мне тоже. Я уверена, Король Снов следит за твоими действиями и связан с тобой, но, по-моему, он не входил в твой сон. Это сбивает меня с толку.

– Ты когда-нибудь встречалась с чем-то похожим?

Она покачала головой.

– Нет, никогда.

– Вот, значит, какое толкование ты мне приготовила. Еще больше таинственности и вопросов без ответов.

– Это еще не толкование.

– Прости, что я так нетерпелив.

– Не извиняйся. Дай мне руку – и получишь толкование.

Она потянулась к нему через стол, крепко взяла за руки и после долгого молчания проговорила:

– Ты упал с высокого места и теперь должен взбираться туда снова.

– С высокого места? – Валентин ухмыльнулся.

– С высочайшего.

– Высочайшее место на Маджипуре – вершина Замковой горы, – шутливо сказал он. –

Не туда ли мне взбираться?

– Туда.

– Уж очень высокий подъем ты мне предлагаешь. Я потрачу всю жизнь, чтобы добраться до Горы и подняться наверх.

– Тем не менее, лорд Валентин, этот подъем ждет тебя, и не я тебе его предлагаю.

Он опешил, когда она произнесла его имя с королевским титулом, а потом зашелся от смеха в ответ на ее грубую и неуместную шутку:

– Лорд Валентин? Не слишком ли много чести для меня, мадам Тизана? Не лорд Валентин, а просто Валентин – Валентин-жонглер, и только. Новичок в труппе Залзана Кавола, скандара.

– Прошу прощения. Я не хотела обидеть тебя, – по-прежнему пристально глядя на него, спокойно произнесла Тизана.

– Как это может обидеть меня? Но, пожалуйста, не награждай меня королевскими титулами. Меня вполне устраивает жонглерская жизнь, даже если сны иногда уносят меня гораздо выше.

Тизана сохраняла полнейшую невозмутимость.

– Хочешь еще чаю?

– Я обещал скандару вернуться рано утром, так что мне скоро пора идти. Что еще ты можешь мне сказать?

– Толкование закончено.

Это было неожиданностью для Валентина. Он ждал разъяснений, подробного разбора, советов, а получил только...

– Я упал с высоты и должен подняться обратно. И это все, что ты поведаешь мне за реал?

– В наше время все дорожает, – сказала она беззлобно. – Ты считаешь себя обманутым?

– Отнюдь нет. Определенную пользу я из этого извлек.

– Сказано вежливо, но не от души. Однако ты и в самом деле получил кое-что ценное.

Со временем ты это поймешь.

Она встала, Валентин тоже. Ее окутывала аура доверия и силы.

– Я желаю тебе счастливого пути и безопасного подъема.

Глава 13

Когда он вернулся от толковательницы снов, первым его приветствовал Аутифон Делиамбер. Тихим ранним утром маленький вруун занимался возле фургона чем-то вроде жонглирования какими-то кристаллами с ледяным блеском, но это было колдовское жонглирование, потому что Делиамбер лишь делал вид, что бросает и ловит, а на самом деле кристаллы двигались, повинаясь его мысли. Он стоял под блестящим вихрем, а сверкающие кусочки летали над ним по кругу, как венок яркого света, и оставались наверху, хотя Делиамбер не касался их.

При приближении Валентина вруун махнул кончиком щупальца, и прозрачные осколки тут же собрались в плотный ком.

Делиамбер ловко выхватил его из воздуха и показал Валентину:

– Фрагменты храмового здания из Дюлорна, города гэйрогов, который расположен в нескольких днях пути отсюда к востоку. Это город магической красоты. Ты бывал там?

Загадки ночи, проведенной у толковательницы снов, еще мучили Валентина, он был совершенно не расположен к разговорам с раннего утра и поэтому лишь пожал плечами:

– Не помню.

– Запомнил бы, если бы видел его. Это город света, город застывшей поэзии! – Вруун щелкнул клювом, что означало улыбку. – А возможно, ты просто не помнишь. Я полагаю, у тебя слишком многое утеряно. Но ты довольно скоро снова попадешь туда.

– Как снова? Я никогда там не был.

– Если ты когда-то бывал там, то будешь снова, когда мы туда приедем. Если же нет – нет. Но как бы то ни было, следующая остановка – Дюлорн, как сказал наш любимый скандар. – Озорные глаза Делиамбера пронизывали Валентина. – Я вижу, ты многое узнал от Тизаны.

– Пропусти меня, Делиамбер.

– Она замечательная, не так ли?

Валентин попытался пройти мимо.

– Ничего я не узнал, только зря потратил вечер.

– О нет, нет, нет! Время никогда не тратится зря. Дай руку, Валентин. – Сухое упругое щупальце обвилось вокруг пальцев Валентина. – Я хорошо знаю: время никогда не тратится зря. Куда бы мы ни пошли, что бы мы ни делали, все это чему-нибудь учит нас, даже если мы не сразу познаем урок.

– Тизана сказала мне примерно то же самое, когда я уходил, – угрюмо пробормотал Валентин. – Но что я узнал? Я снова видел во сне короналей и понтифексов, поднимался и спускался по горным тропам. Толковательница снов отпустила глупую шутку по поводу моего имени. Лучше бы этот реал я потратил на вино и лакомства. Нет, я ничего не достиг.

Он попытался освободить руку, но вруун удержал ее с неожиданной силой. У Валентина возникло странное ощущение, что через его мозг прокатываются аккорды печальной музыки, и где-то в глубине его сознания промелькнуло и исчезло какое-то видение, нечто, напоминающее морского дракона. Но он не смог разглядеть его как следует, и смысл этого видения ускользнул от него. Ну и пусть: он боялся узнать, что именно шевельнулось в его воображении. Темная непонятная тревога захлестнула его душу. На минуту ему показалось, что дракон поднялся из глубин его существа и поплыл вверх через мрак его затуманенной памяти к уровню сознания. Это испугало Валентина. Знание, страшное, угрожающее знание скрывалось в нем и теперь грозило вырваться. Он сопротивлялся этому, боролся с ним. Он заметил, что маленький Делиамбер уставился на него с пугающей напряженностью, словно пытаясь дать ему необходимую силу, чтобы он смог принять это темное знание, но Валентин не хотел этого. Он грубо вырвал руку и, спотыкаясь, пошел к фургону скандаров. Сердце яростно колотилось, в висках стучало,

голова кружилась. Сделав несколько неуверенных шагов, Валентин обернулся и сердито спросил:

– Что ты со мной сделал?

– Я просто дотронулся до твоей руки.

– И причинил мне сильную боль!

– Я открыл тебе доступ к твоей собственной боли, – спокойно ответил Делиамбер, – больше ничего. Ты несешь в себе боль, но до сих пор ты ее не чувствовал, а она старается проснуться в тебе, и предотвратить это нельзя.

– А я не хочу, чтобы она просыпалась.

– У тебя нет выбора, ты можешь только прислушиваться к голосам изнутри. Борьба уже началась.

Валентин покачал головой.

– Я не хочу ни боли, ни борьбы. Еще несколько дней назад я был счастлив.

– Даже когда видел сны?

– Этим снам скоро придет конец. Они, видимо, предназначались для кого-то другого.

– Ты действительно так думаешь?

– Не мешайте мне быть тем, кем мне хочется, – после некоторого молчания ответил Валентин.

– А именно?

– Странствующим жонглером, свободным человеком. Зачем ты мучаешь меня, Делиамбер?

– Я был бы рад, если б ты стал жонглером, – мягко сказал вруун. – Не хочу огорчать тебя, но желания человека часто не совпадают с тем, что ему предназначено на великом свитке.

– Я буду выдающимся жонглером, ни больше и ни меньше.

– Желаю тебе этого, – любезно произнес Делиамбер и ушел.

Валентин медленно выдохнул. Он ощущал напряжение и скованность во всем теле. Стараясь избавиться от этих странных ощущений, он присел на корточки, опустил голову, вытянул руки, затем ноги. Постепенно он немного расслабился, но какой-то осадок остался, и тревога не оставляла его: мучительные сны, корчащиеся в глубинах души драконы, знаки и предзнаменования...

Из фургона вышла Карабелла и остановилась перед Валентином.

– Дай я помогу, – предложила она, наклоняясь ближе. Сильные пальцы вонзились в застывшие мышцы шеи и спины. Благодаря Карабелле напряжение немного спало, но Валентин по-прежнему оставался мрачным.

– Толкование не принесло тебе пользы? – тихо спросила она.

– Нет.

– Ты можешь рассказать мне о нем?

– Пожалуй, нет.

– Как хочешь. – Но она явно ждала. В ее глазах одновременно светились тревога, тепло и сочувствие.

– Я мало понял из того, что говорила мне та женщина, – сказал он, – а то, что понял, не хочу принять и не хочу рассказывать об этом.

– Если захочешь, Валентин, я здесь. Когда почувствуешь необходимость сказать кому-то...

– Не сейчас. А может, никогда.

Валентин видел, что она тянется к нему, желая облегчить боль его души, как сняла напряжение с его тела. Он почувствовал, что ее захлестывает любовь к нему, и проговорил, запинаясь:

– Толковательница снов сказала мне...

– Да?

Нет, говорить о таких вещах означало признать их реальность, а они нереальны, абсурдны, фантастичны.

– Все, что она сказала, – вздор. Не стоит и вспоминать эти глупые фантазии. – Их глаза встретились, и он отвел взгляд. – Можешь ты это понять? – Валентин почти кричал. – Чокнутая старуха наговорила мне какой-то ерунды, и я не хочу обсуждать это ни с тобой, ни с кем-либо другим. Толкование предназначалось для меня, и нет необходимости делиться им. Я...

Он увидел смятение на ее лице. В другое время он проболтался бы, но сейчас сказал уже совсем другим тоном:

– Принеси мячи, Карабелла.

– Сейчас?

– Да.

– Но...

– Я хочу, чтобы ты научила меня обмену между жонглерами. Прошу тебя...

– Мы же через полчаса уезжаем!

– Пожалуйста, – повторил он настойчиво.

Она кивнула, взлетела по ступенькам фургона и тут же вернулась с мячами. Они отошли в сторону на открытое место. Карабелла бросила ему три мяча и нахмурилась.

– В чем дело? – спросил он.

– Нельзя осваивать новый трюк в таком состоянии.

– Это меня успокоит. Давай попробуем.

– Ну что ж...

Она начала жонглировать своими тремя мячами для разминки.

Валентин попытался делать то же, но руки были холодными, пальцы не слушались, у него не получались даже самые простые упражнения, и он то и дело ронял мячи. Карабелла молча продолжала жонглировать, в то время как он делал одну ошибку за другой и чувствовал все большее раздражение. Она уже не настаивала, что сейчас неподходящее время для работы, но ее молчание, ее взгляд и даже ее поза говорили лучше слов. Валентин безнадежно пытался уловить ритм. «Ты упал с высокого места, – слышал он слова толковательницы, – и теперь должен взбираться туда снова». Он прикусил губу. Как можно сосредоточиться, когда его мучают такие мысли? «Рука и глаз, – твердил он себе. – Рука и глаз, все остальное забудь. Рука и глаз». – «Тем не менее, лорд Валентин, этот подъем ждет тебя, и не я тебе его предлагаю». Нет! Нет! Нет! Нет! Руки его тряслись, ледяные пальцы отказывались повиноваться. Неверное движение – и мячи разлетелись в стороны.

– Пожалуйста, Валентин, – ласково сказала Карабелла.

– Принеси дубинки.

– Это будет еще хуже. Ты хочешь сломать палец?

– Дай дубинки.

Пожав плечами, она собрала мячи и скрылась в фургоне.

Начиналось утро. Появился Слит, зевнул и кивком поздоровался с Валентином. Вышел один из скандаров и полез под фургон исправлять что-то. Наконец показалась Карабелла с шестью дубинками. За ней – Шанамир. Он на ходу поздоровался с Валентином и побежал кормить животных.

Валентин взял дубинки. Чувствуя на себе спокойный взгляд Слита, он встал в позу жонглера, подбросил одну дубинку и промахнулся в захвате. Никто не произнес ни слова. Валентин попробовал снова. Ему удалось довольно успешно поработать с тремя дубинками, но это длилось не более тридцати секунд, а затем они упали, и одна больно ударила его по ноге. Перехватив взгляд Аутифона Делиамбера, наблюдавшего издали, он снова поднял дубинки. Стоявшая напротив Карабелла сосредоточенно жонглировала и намеренно не смотрела в его сто-

рону. Подобрал дубинки, он начал снова, уронил одну, предпринял еще одну попытку, уронил две, еще раз начал, сделал неверный захват и тут же повредил большой палец на левой руке. Он попытался сделать вид, что все в порядке, снова поднял дубинки, но подошел Слит и мягко взял Валентина за оба запястья.

– Не нужно, – сказал он. – Отдай мне дубинки.

– Я хочу тренироваться.

– Жонглирование – не панацея от бед. Ты чем-то расстроен и потому не можешь точно рассчитать время. Если ты не остановишься, то потеряешь ритм и на несколько недель выйдешь из строя.

Валентин попытался вырвать руки, но Слит держал их на удивление крепко. Карабелла спокойно жонглировала в нескольких шагах от них. Через минуту Валентин сдался. Пожав плечами, он отдал дубинки Слиту, и тот унес их обратно в фургон.

Вскоре появился Залзан Кавол, всеми четырьмя руками тщательно перебирая свою шкуру спереди и сзади, как будто искал в ней блох, и прогудел:

– Все в фургон! Поехали!

Глава 14

Дорога к гэйрогскому городу Дюлорну вела на восток, через мирную сельскую местность, зеленую и плодородную. Как и большинство мест на Маджипуре, она была плотно населена, но разумно распланирована: обширные сельскохозяйственные зоны окаймляли полосы городов, так что фургон весь день ехал попеременно то через фермы, то через город, и опять – через фермы и через город.

Здесь, в ущелье Дюлорн, широкой низине к востоку от Фалкинкипа, климат был удивительно благоприятен для земледелия, потому что северный конец ущелья был открыт полярым грозам с ливнями, которые постоянно заливали умеренную арктическую область Маджипура, а субтропическую жару смягчали легкие прогнозируемые осадки. Все росло круглый год. Сейчас, например, было время уборки сладких желтых клубней стаджи, из которой делали хлеб, и посадки таких фруктовых деревьев, как найк и глейн.

Красота природы рассеяла сумрачное настроение Валентина. Он постепенно перестал думать о том, что его мучило, и увлекся созерцанием бесконечных чудес планеты Маджипур. Черные тонкие стволы деревьев найк, посаженных строгим и сложным геометрическим узором, покачивались на горизонте. Бригады фермеров – хьортов и людей в деревенской одежде – подобно армии захватчиков двигались через поля стаджи, выкапывая тяжелые клубни. Фургон спокойно двигался то мимо озер и ручьев, то мимо странных глыб белого гранита, похожих на зубы, выступающие из ровного травяного ковра.

В середине дня они прибыли в особенно красивое и необычное место – в один из многочисленных лесных заповедников. На воротах светила зеленая табличка с надписью:

ЗАПОВЕДНИК ПУЗЫРЧАТЫХ ДЕРЕВЬЕВ

Здесь находится выдающийся девственный парк дюлорнских пузырчатых деревьев. Эти деревья выделяют газ легче воздуха, и он поддерживает их верхние ветки. Достигнув зрелости, стволы и корневая система отмирают, а ветви продолжают жить на пустых стволах и почти целиком зависят от питающей их атмосферы. Иногда очень старые деревья отрываются от почвы и летят в поисках новой колонии. Пузырчатые деревья есть и в Зимроэле, и в Алханроэле, но в последнее время их число сократилось. Эта роща посажена для народа Маджипура по официальному декрету двенадцатого понтифекса Конфалюма короналем лордом Прести-мионом.

Жонглеры молча шли пешком по лесной дороге уже несколько минут, но не видели ничего необычного. Затем опередившая всех Карабелла нырнула в заросли густого сине-черного кустарника и вскрикнула от изумления. Валентин подбежал к ней. Их глазам открылось настоящее чудо.

Всюду стояли пузырчатые деревья разного возраста. Молодые, не выше Делиамбера или Карабеллы, выглядели на редкость неуклюжими кустами с толстыми раздутыми ветвями необычного серебряного оттенка, которые узлами росли из коротких толстых стволов. У деревьев высотой в пятнадцать-двадцать футов стволы начинали утончаться, а у более старых деревьев они совсем съеживались и выглядели веревками-оттяжками, крепившими плавающие кроны к грунту. Кроны плавали высоко, покачиваясь на легком ветру, безлистные, распухшие, с похожими на воздушные шарики ветвями. Серебряный цвет молодых деревьев с возрастом исчезал, переходя в прозрачность, так что старые деревья казались стеклянными копьями и ярко сверкали в солнечных лучах. Даже Залзана Кавола, похоже, поразили красота деревьев и их необычность. Он подошел к самому высокому, чья светящаяся разбухшая крона, казалось,

парила, и осторожно, почти благоговейно обхватил пальцами узкий ствол. Валентин подумал, что скандар хочет сломать его и пустить полое дерево лететь, как воздушного змея, но нет, Залзан Кавол просто измерил толщину ствола и тут же отошел, бормоча что-то себе под нос.

Они довольно долго бродили среди пузырчатых деревьев, разглядывали молодую поросль, старались уловить все стадии роста, смотрели, как постепенно сужаются стволы и утолщаются ветки. Деревья не имели листьев и, наверное, цветов. Трудно было поверить, что это вообще растения. Поистине магическое место. Дурное настроение Валентина как рукой сняло. Среди такой красоты не может быть места грустным мыслям.

– Эй! – позвала Карабелла. – Лови!

Она заметила перемену в его настроении, сбегала к фургону за мячиками и теперь кинула ему все три мяча, и он легко вошел в рабочий ритм.

Карабелла стояла в нескольких шагах от него. Три-четыре минуты они жонглировали независимо друг от друга, но потом начали работать синхронно. Теперь они жонглировали, зеркально отражая друг друга, и Валентин почувствовал, как с каждым циклом бросков на него нисходит все более глубокое спокойствие. Он чувствовал себя уравновешенным, настроившимся на какой-то нужный лад. Пузырчатые деревья, слегка покачиваясь на ветру, вспыхивали фейерверком отраженного света. Мир был тих и ясен.

– По моей команде, – заговорила Карабелла, – бросай мяч из правой руки мне в левую – точно на такую же высоту, как бросаешь себе. Раз, два, три, четыре, пять... пас!

Валентин бросил мяч ей, а она – ему. Он сумел достаточно точно поймать его, не сбиваясь с ритма, продолжая свой каскад и отсчитывая время, чтобы бросить снова.

Назад – вперед – назад – вперед – пас...

Сначала это было трудно, труднее всего, что он делал до сих пор, однако после нескольких пасов страх исчез, и обмен пошел так гладко, будто они практиковались несколько месяцев. Валентин понимал, что в этом есть нечто необычное, что никто не овладевает таким сложным маневром с первой попытки, но, как и прежде, он сумел отбросить от себя все посторонние мысли, и для него перестало существовать все, кроме руки, глаза и летающих мячей, – и промах стал не только невозможным, но и немыслимым.

– Эй! – крикнул Слит. – Идите сюда!

Он тоже жонглировал. Валентин был недоволен, что приходится усложнять задачу, но заставил себя сохранить необходимый ритм: бросать, когда возникает необходимость, ловить то, что летит в руки, и все время держать оставшиеся у него мячи в движении.

Так что, когда Слит и Карабелла начали обмен мячами, Валентин смог включиться и поймал мяч от Слита.

– Раз-два, раз-два, – отсчитывал Слит.

Он встал между Валентином и Карабеллой и взял на себя роль ведущего. Он поочередно бросал им мячи, и долгое время ритм оставался неизменным, но затем ускорился до такой степени, что Валентин уже не мог успеть за ними. В воздух вдруг взлетели десятки мячей – по крайней мере так казалось, – и Валентин поспешно хватал их, ронял и наконец со смехом повалился в теплую траву.

– Значит, есть все-таки пределы твоей ловкости? – шутливо спросил Слит. – Хорошо! А то я уж начал думать, что ты вообще не из смертных.

Валентин засмеялся:

– Боюсь, что я очень даже смертный.

– Обедать! – крикнул Делиамбер.

Он приглядывал за котелком с тушеным мясом, подвешенным на треноге над огнем.

Скандары, репетировавшие в другой части рощи, появились как из-под земли и тут же принялись накладывать себе еду. Виноркис тоже поторопился наполнить свою тарелку. Валентин и Карабелла были последними, но это их не огорчило. Валентин устал и взмок от напря-

женной работы, кровь стучала в висках, и долгая ночь с так и не объясненными снами казалась далеко позади, как что-то, оставленное в Фалкинкипе.

Весь день фургон спешил на восток. Теперь было очевидно, что это страна гэйрогов, населенная почти исключительно похожими на рептилий гладкоголовыми существами. Когда наступила ночь, труппа была все еще на полпути от Дюлорна, где Залзан Кавол добился какого-то театрального ангажемента. Делиамбер сообщил, что неподалеку есть гостиница, и они поехали туда.

– Проведи эту ночь со мной, – предложила Валентину Карабелла.

В коридоре они встретили Делиамбера, который остановился, коснулся их рук кончиком щупальца и пробормотал:

– Приятных снов.

– Приятных снов, – машинально ответила Карабелла.

Валентин не ответил колдуну – прикосновение врууна разбудило дракона в его душе и сделало его таким же тревожным и мрачным, как и до посещения чудесной роши. Можно было подумать, что Делиамбер стал врагом его спокойствия, вызывал в нем необъяснимый страх и неуверенность, против которых у Валентина не было защиты.

– Пошли, – хрипло сказал он Карабелле.

– Спешись? – Она засмеялась легким звенящим смехом, но, едва взглянув в лицо Валентина, тут же посерьезнела. – Валентин, что с тобой? В чем дело?

– Ни в чем.

– Ни в чем?

– Разве я не могу поддаться настроению, как и всякий человек?

– Когда твое лицо вот так меняется, кажется, будто тень заслоняет солнце. И так неожиданно...

– Что-то в Делиамбере, – объяснил Валентин, – озадачивает и тревожит меня. Когда он прикоснулся ко мне...

– Делиамбер безвредный. Он лукав, как все колдуны, особенно вруунские, да еще и маленькие. В очень маленьких существах всегда сильно темное лукавство. Но тебе не стоит опасаться Делиамбера.

– Это правда?

Он закрыл дверь и обнял Карабеллу.

– Правда, – ответила она. – Тебе не нужно бояться никого, Валентин. Ты с первого взгляда нравишься всем. В мире нет никого, кто повредил бы тебе.

– Хотел бы я этому верить, – вздохнул он.

Она потянула его на постель.

Он поцеловал ее, сначала нежно, потом более страстно, и скоро их тела сплелись. Он не был близок с ней больше недели и ждал этой минуты с упоением и нетерпением. Но то, что произошло в коридоре, уничтожило его желание и привело в состояние какого-то странного оцепенения. Это удивляло и расстраивало его.

Карабелла, вероятно, чувствовала его холодность, но не обращала внимания, потому что ее энергичное тело жаждало его страсти. Он заставил себя ответить, и скоро пыл его разгорелся, но он как бы стоял в стороне от собственных ощущений, был только зрителем их любви.

Все закончилось быстро, и наступила темнота, хотя лунный свет проникал в окно и бросал холодный свет на их лица.

– Приятных снов, – прошептала она.

– Приятных снов, – ответил он.

Карабелла уснула почти сразу, а он лежал рядом с ее горячим телом, и спать ему не хотелось. Через некоторое время он отодвинулся, принял любимую позу для сна – на спине, сложив руки на груди, – но сон не приходил. Ему удалось лишь слегка задремать. Валентин считал

блавов, представлял себя жонглирующим со Слитом и Карабеллой, пытался расслабиться – все бесполезно. Приподнявшись на локте, он любовался отчетливо вырисовывавшимся в лунном свете прекрасным телом Карабеллы.

Ей что-то снилось. Ее щека подрагивала, под закрытыми веками двигались глазные яблоки, грудь резко поднималась и опускалась. Прижав пальцы к губам, она бормотала что-то несвязное. Легкое, худенькое тело девушки казалось таким красивым, что Валентину захотелось придвинуться, погладить прохладное бедро, слегка прикоснуться губами к маленьким твердым соскам... Но вторжение в чей-либо сон было недопустимым, непростительным нарушением приличий. И ему ничего не оставалось делать, кроме как смотреть на нее и любить издали, в одиночку справляясь с вновь пробудившимся желанием.

Карабелла в ужасе вскрикнула. Глаза ее открылись, но взгляд их был невидящим. Это служило знаком послания. По телу девушки пробежала дрожь. Еще не освободившись от сна, она со стоном и всхлипами повернулась к Валентину. И он обнял ее, чтобы дать ей сон-помощь, сон-покой, защитить ее от тьмы духа... Наконец тело ее расслабилось, обмякло. Она еще некоторое время лежала тихо, и Валентин подумал, что она спит обычным мирным сном. Нет. Она проснулась, но не шевелилась, как будто изучала свой сон, боролась с ним и пыталась вынести его в область яви. Вдруг она села и прижала пальцы к губам. Взгляд ее остекленевших глаз был диким.

– Милорд! – прошептала она.

Она отодвинулась от Валентина, отползла, как краб, на край постели, одной рукой прикрывая грудь, а другой – лицо. Губы ее дрожали. Валентин потянулся к ней, но она в ужасе отпрянула и скатилась на пол, где испуганно съежилась, пытаясь скрыть свою наготу.

– Карабелла, – растерянно позвал Валентин.

Она подняла на него глаза:

– Лорд... лорд... пожалуйста, оставь меня, лорд...

Она снова опустила голову и пальцами обеих рук изобразила знак Горящей Звезды – жест повиновения, который делают только в присутствии короналя.

Глава 15

Думая, что, может быть, это не ей, а ему приснился сон, который все еще длится, Валентин встал и увидел брошенную поверх его вещей одежду Карабеллы. Она скорчилась в стороне, ошеломленная и дрожащая. Он хотел успокоить ее, но она отпрянула и съежилась еще больше.

– В чем дело? – спросил он. – Что случилось?

– Я видела во сне, что ты... – Она запнулась. – Так реально, так страшно...

– Расскажи. Я растолкую твой сон, если смогу.

– Его нет нужды толковать. Он говорит сам за себя.

Она снова сделала ему знак Горящей Звезды и продолжила тихо, спокойно, без интонаций:

– Я видела во сне, что ты истинный корональ – лорд Валентин, что у тебя похитили власть и память, дали тебе другое тело и оставили на произвол судьбы неподалеку от Пидруида, чтобы ты скитался и жил в праздности, в то время как кто-то другой правит вместо тебя.

Валентин почувствовал себя на самом краю бездны, где земля осыпается под ногами.

– Это было послание? – спросил он.

– Да, послание. Я не знаю, от кого – от Повелительницы Снов или от Короля, но это не мой сон. Каким-то образом он проник в мой мозг со стороны. Я видела тебя, лорд...

– Перестань называть меня так.

– ...стоявшего на вершине Замковой горы лицом к лицу с другим лордом Валентином, с тем черноволосым, перед которым мы жонглировали, а потом ты спустился с Горы, чтобы ехать во главе великой процессии по всем провинциям. Когда ты был на юге, в моем родном городе Тил-омоне, тебе дали наркотик, усыпили, пересадили в это тело и бросили одного. Не было никого мудрее тебя, но у тебя колдовством отняли королевскую власть. А я касалась тебя, лорд, я делила с тобой ложе и столько раз была фамилльярна с тобой. Как теперь мне получить прощение, лорд?

– Карабелла!

Она дрожала от страха.

– Взгляни на меня, Карабелла. Взгляни!

Она покачала головой. Он встал перед ней на колени и коснулся рукой ее подбородка.

Она вздрогнула, как от ожога, и застыла в напряжении. Он снова дотронулся до нее.

– Подними голову, – голос его звучал ласково, – и посмотри на меня.

Она медленно и робко взглянула на него, как смотрят на солнце, боясь ослепнуть.

– Я Валентин-жонглер и больше никто.

– Нет, лорд.

– Корональ черноволосый, а у меня золотистые волосы.

– Умоляю тебя, лорд, оставь меня в покое. Я боюсь тебя.

– Ты боишься странствующего жонглера?

– Того, кто ты сейчас, я не боюсь. Ты мой друг, и я тебя люблю. Я боюсь того, кем ты был, лорд. Ты был рядом с понтифексом и пил королевское вино. Ты ходил по громадным залам Горного замка, ты имел полнейшую власть над миром. Это был правдивый сон, лорд, отчетливый и ясный, как наяву, и не может быть никаких сомнений, что это послание. Ты настоящий корональ, а я касалась твоего тела, и ты касался моего. Это святотатство. Такая простая женщина, как я, не должна приближаться к короналю. За это я умру.

Валентин улыбнулся:

– Даже если я и был когда-то короналем, милая, то в другом теле, а в том, которое ты обнимала ночью, ничего святого нет. Но я никогда не был короналем.

Она продолжала пристально смотреть на него, но, когда заговорила, голос ее дрожал меньше:

– Ты ничего не помнишь о своей жизни до Пидруида. Ты не мог назвать мне имени своего отца, а когда рассказывал о своем детстве в Ни-моёе, сам не верил тому, что говорил, и имя матери ты придумал. Скажешь, неправда?

Валентин кивнул.

– Шанамир говорил мне, что в кошельке у тебя было много денег, но ты не имел представления об их ценности и хотел расплатиться с продавцом сосисок монетой в пятьдесят реалов. Правильно?

Валентин опять кивнул.

– Как будто ты до этого жил, не пользуясь деньгами. Ты так мало знаешь, Валентин, тебя надо учить, как ребенка.

– Да, с моей памятью что-то случилось. Но это еще не делает меня короналем.

– Все говорит о том, что ты рожден для власти: то, как ты жонглируешь, – так естественно, словно ты способен ко всему, чего захочешь, то, как ты ходишь, как держишься, свет, который исходит от тебя. Когда ты у нас появился, мы думали, что ты изгнанный принц или герцог. Но мой сон не оставляет сомнений, лорд...

Карабелла побледнела. На мгновение она преодолела свой страх, но только на мгновение, а теперь снова задрожала. А страх, похоже, заразителен, потому что Валентин тоже вдруг испугался. Мороз прошел по его коже. Правда ли это? Неужели он был помазанным короналем и касался Тиевераса в сердце Лабиринта и на вершине Замковой горы? Он снова услышал голос толковательницы снов Тизаны: «Ты упал с высокого места и теперь должен взбираться туда снова». Это невозможно, невысказано. «Тем не менее, лорд Валентин, этот подъем ждет тебя, и не я тебе его предлагаю». Это нереально, невозможно.

Да еще эти сны, этот брат, который хотел убить его и которого он сам убил, и коронали, и понтифесы, тревожащие его душу, и все прочее.

Могло ли это быть? Нет, невероятно.

– Ты не должна бояться меня, Карабелла, – сказал он.

Она вздрогнула. Он потянулся к ней, но она с криком отшатнулась.

– Нет, не прикасайся ко мне, милорд!

– Пусть я был когда-то короналем, хоть это звучит странно и глупо, но теперь-то я не корональ и не в помазанном теле, так что все, что между нами произошло, не святотатство. Кем бы я ни был в прошлом, теперь я – Валентин-жонглер.

– Ты не понимаешь, лорд.

– Я понимаю, что корональ такой же человек, как и все прочие, только ответственность у него больше, но ничего магического в нем нет, и бояться можно только его власти, а у меня власти нет, даже если она и была когда-то.

– Нет, – возразила она, – короналя коснулась высшая благодать, и она никогда не покинет его.

– Короналем может быть любой, если его соответственно воспитать и правильно обучить. Короналем не рождаются. Коронали были выходцами из всех провинций Маджипура, из всех слоев общества.

– Лорд, ты не понимаешь. Быть короналем – значит коснуться благодати. Ты правил, ты жил в Горном замке, ты стоял в одном ряду с лордом Стиамотом, лордом Деккеретом и лордом Престимионом, ты – брат лорда Вориакса, сын Хозяйки Острова Сна. Как я могу считать тебя обыкновенным человеком? Как я могу не бояться тебя?

Валентин растерянно уставился на нее.

Он вспомнил, какие мысли приходили ему в голову, когда он стоял на улице, смотрел на лорда Валентина, короналя, чувствовал рядом с собой благодать и мощь и понял, что быть

короналем – значит быть вдали от всех, быть загадочной личностью, обладающей аурой, личностью, властвующей над двенадцатью миллиардами, унаследовавшей тысячелетнюю энергию знаменитых властителей, быть тем, кому предназначено в свое время уйти в Лабиринт и принять власть понтифекса. Все это было выше его понимания. Захлестнувшие его тогда ощущения ошеломяли и переполняли душу. И тем не менее это просто абсурдно. Бояться самого себя? Опуститься в ужасе на колени перед собственным воображаемым величием? Он – Валентин-жонглер, и только.

Карабелла всхлипывала. Еще немного – и у нее начнется истерика. Вруун наверняка найдет способ помочь.

– Подожди, – сказал Валентин, – я сейчас вернусь. Я попрошу у Делиамбера успокаивающее лекарство для тебя.

Он вышел в коридор, гадая, где комната колдуна. Все двери были закрыты. Он хотел было стучать наугад, надеясь, что не напорется на Залзана Кавола, но услышал сухой голос из темноты откуда-то снизу, на уровне локтя:

– Тебе не спится?

– Делиамбер?

– Я здесь, рядом с тобой.

Валентин, шурясь, взгляделся. Вруун, скрестив щупальца, сидел в коридоре в позе медитации. Делиамбер поднялся.

– Мне подумалось, что ты скоро станешь искать меня, – объяснил он.

– У Карабеллы был сон-послание. У тебя есть лекарство, чтобы ее успокоить?

– Лекарств нет. Впрочем, это можно сделать прикосновением. Пойдем. – Маленький вруун быстро прошел по коридору в комнату. Карабелла не двигалась. Она, по-прежнему скорчившись, сидела у постели, кое-как прикрывшись одеждой. Делиамбер осторожно обвил щупальцем плечи девушки, и ее напряжение слегка ослабло. В комнате слышалось ее тяжелое дыхание. Через минуту Карабелла подняла уже более спокойный, но все еще полный смятения взгляд и жестом указала на Валентина:

– Я видела во сне, что он был... Он...

– Я знаю, – кивнул Делиамбер.

– Это неправда, – быстро проговорил Валентин, – я только жонглер.

– Сейчас ты только жонглер, – мягко сказал Делиамбер.

– Ты тоже веришь в этот вздор?

– Это было ясно с самого начала, когда ты защитил меня от гнева скандара. «Это королевский поступок», – подумал я. К тому же я читал в твоей душе...

– Что?!

– Профессиональный трюк. Я читал в твоей душе и видел, что с тобой сделали.

– Но это невозможно! – запротестовал Валентин. – Взять из человеческого тела разум, пересадить его в другое тело, а другой разум поместить в это тело...

– Почему невозможно? – возразил Делиамбер. – Я думаю, можно. Из Сувраэля дошли слухи, что при дворе Короля Снов изучают это искусство. Поговаривают, что уже несколько лет проводятся странные эксперименты.

Валентин угрюмо уставился на свои пальцы:

– Не может этого быть.

– Я тоже так думал, когда впервые услышал, но потом, после некоторых размышлений... Я и сам знаю множество секретов почти столь же высокого колдовства, а ведь я всего лишь младший колдун. Семена этого искусства существовали очень давно. Может, какой-нибудь волшебник Сувраэля и сумел наконец прорастить их. На твоём месте, Валентин, я бы не стал исключать такую возможность.

– Обмен телами? – растерянно спросил Валентин. – Значит, это не мое тело? Чье же оно?

– Кто знает? Какой-нибудь неудачник погиб от несчастного случая. Может, утонул, или подавился куском мяса, или по глупости съел ядовитый гриб. В любом случае он умер, но тело его осталось целым, и его сразу же унесли в какое-то потайное место, где в пустой каркас пересадили душу короналя, а кто-то другой, простившись с собственным телом, забрался в пустую оболочку короналя, при этом, вероятно, удержав там многое из его личной памяти и объединив со своей, и теперь правит, словно он истинный монарх.

– Не могу поверить, – упрямо твердил Валентин.

– Однако же когда я заглянул в твою душу, то увидел, что все было именно так, как я тебе только что описал. Мне стало очень страшно – в моей работе нечасто можно встретить короналей или наткнуться на такое явное великое предательство, и я некоторое время размышлял, не лучше ли забыть о том, что видел... Но потом понял, что не смогу, что до самой смерти меня будут преследовать чудовищные сны, если я скрою то, что узнал, и не придам этому значения. Я сказал себе, что очень многое в мире нужно исправить и согласно божественной воле я должен делать это. Теперь время пришло.

– Ничего подобного не было.

– Предположим на минуту, что было, – настаивал Делиамбер. – Допустим, на тебя напали в Тил-омоне, выкинули тебя из твоего тела, а на трон посадили узурпатора. Предположим, что это так. Что ты должен делать?

– Ничего.

– Как это?!

– Абсолютно ничего, – убежденно повторил Валентин. – Пусть тот, кто хочет быть короналем, будет им. Я думаю, власть – это болезнь, а желание править – безумие. Пусть я когда-то жил в Горном замке, но теперь меня там нет, и никто не заставляет меня вернуться. Я – жонглер, от добра добра не ищут, и я счастлив. А корональ счастлив? А понтифекс? Если меня лишили власти, то, я считаю, мне повезло. У меня нет желания снова взваливать на себя этот груз.

– Но тебе было предназначено его нести.

– Предназначено? – Валентин рассмеялся. – С тем же успехом можно сказать, что мне было предназначено быть короналем лишь недолгое время, а затем уступить место более достойному. К власти рвется только чокнутый, а я в здравом уме. Правление – это груз и тяжелая работа. Я не принимаю его.

– Примешь, – сказал Делиамбер. – Тебя изменили, ты перестал быть самим собой. Но тот, кто однажды был короналем, остается им навсегда. Ты исцелишься и вновь станешь лордом Валентином!

– Не употребляй этот титул!

– Он вернется к тебе, – предрек Делиамбер.

Валентин сердито отверг это предположение. Взглянув на Карабеллу, он увидел, что она спит на полу. Валентин осторожно поднял ее, положил на постель и прикрыл одеялом, а затем повернулся к Делиамберу.

– Уже поздно, и сегодня было сказано много всяких глупостей. У меня от этих разговоров трещит голова. Сделай для меня то, что ты сделал для Карабеллы, колдун, – помоги мне уснуть. И не говори мне больше об ответственности, которая никогда не лежала на мне и которую я на себя не возьму. Завтра у нас выступление, и я хочу отдохнуть перед ним.

– Прекрасно. Ложись в постель.

Валентин лег рядом с Карабеллой.

Вруун коснулся его сначала слегка, потом с большей силой, и мозг Валентина заволокло туманом. Сон опустился на него легко, как плотное белое облако. Ему было хорошо, и он охотно отпустил свое сознание. Сон, который пришел к нему ночью, сопровождался ярким светом, что безошибочно указывало на послание, и был чрезвычайно явственным.

Как это часто бывало в прошлых сновидениях, Валентин шел по суровой и страшной пурпурной равнине. Но теперь знал, что эта открытая потокам обжигающих лучей солнца равнина находится на далеком континенте, называемом Сувраэль, а трещины в почве – шрамы лета, когда высыхает всякая влага. Безобразно скрученные растения с вздутыми сероватыми листьями вяло лежали на земле, а другие, колючие, со страшными угловатыми сочленениями, тянулись вверх. Валентин быстро шел, невзирая на жару и безжалостный ветер. От сухости трескалась кожа. Он торопился во дворец Короля Снов – его наняли для представления. Дворец был уже близко: зловещее, тускло-черное, все в ажурных башенках и зубчатых портиках здание, такое же колючее и отталкивающее, как растения в пустыне. Оно куда более походило на тюрьму, чем на дворец – по крайней мере снаружи. Внутри же оно было совсем другим: уютное, богатое, даже роскошное, с фонтанами во внутренних двориках, с мягкими драпировками, с витающим в воздухе ароматом цветов. Слуги поклонились, проводили Валентина внутрь, сняли с него пропыленную одежду, вымыли его, обтерли мягкими полотенцами, одели в чистый и элегантный костюм и драгоценный плащ, подали холодный шербет, ледяное вино в серебряной чаше, кусочки незнакомого, очень вкусного мяса и наконец отвели в огромный сводчатый тронный зал Короля Снов.

Валентин издали увидел его на троне. Симонан Барджазид – злобная и непредсказуемая сила, посылавшая из своей продуваемой ветрами пустыни страшные послания по всему Маджипуру, – был тяжеловесным мужчиной с двойным, лишенным растительности подбородком и глубоко посаженными, обведенными темными кругами глазами. Его коротко остриженную голову венчала золотая диадема власти – усиливающий мысли аппарат, изобретенный Барджазидом тысячу лет назад. Слева от Симонана сидел его сын Кристоф, такой же упитанный, как отец, а справа – другой сын, Минакс, наследник, – отталкивающее тощий, темнокожий и остролицый, как будто обточенный ветрами пустыни. Король Снов небрежным жестом приказал Валентину начинать.

Валентин жонглировал ножами – пятнадцатью тонкими блестящими стилетами, которые, упавши они неправильно, могли проткнуть руки насквозь, но он, демонстрируя виртуозную ловкость, легко управлял ими и жонглировал так, как могли бы делать это только Слит или Залзан Кавол. Он стоял неподвижно, чуть заметно шевеля ладонями и запястьями, и ножи стремительно взлетали, сверкая, как бриллиантовые, пролетали по дуге и падали точно в его ожидавшие пальцы, снова взлетали и падали, и дуга, которую они описывали, обрела форму. Это был уже не каскад, а Горящая Звезда – эмблема короналя. Острия, летавшие в воздухе, указывали в разные стороны. Вдруг, когда Валентин приближался к вершине своего представления, ножи замерли – как раз над его пальцами, не опустившись в них. Из-за трона вышел хмурый, с жестоким взглядом Доминин Барджазид, третий сын Короля Снов. Шагнув к Валентину, он легким небрежным движением смахнул Горящую Звезду из ножей в полу своей мантии. Король Снов насмешливо улыбнулся.

- Ты отличный жонглер, лорд Валентин. Наконец-то ты нашел себе подходящее занятие.
- Я корональ Маджипура, – ответил Валентин.
- Был. Теперь ты бродяга и больше ни на что не годен.
- Ленивый, – добавил Минакс Барджазид.
- Трусливый, – подхватил Кристоф Барджазид.
- Увиливающий от обязанностей, – закончил Доминин Барджазид.
- Ты утратил свое звание, – сказал Король Снов, – твоя должность свободна. Уходи. Уходи, иди жонглируй, Валентин-жонглер. Уходи, лодырь. Проваливай, бродяга.
- Я корональ Маджипура, – твердо повторил Валентин.
- Ты больше не корональ, – возразил Король Снов.

Он коснулся руками диадемы на лбу, и Валентин пошатнулся, будто земля разверзлась под ним, и упал. Когда он поднял глаза, то увидел, что Доминин Барджазид одет в зеленый

камзол и горностаевую мантию короналя, лицо его стало лицом лорда Валентина, тело – телом лорда Валентина. Из жонглерских ножей, отобранных у Валентина, Доминин сделал корону короналя – Горящую Звезду, и его отец, Симонан Барджазид, возложил ее на его голову.

– Видишь! – крикнул Король Снов. – Власть переходит к более достойному. Уходи, жонглер, убирайся!

Валентин вновь оказался в пурпурной пустыне и увидел злобные песчаные смерчи, наступавшие на него с юга. Он пытался убежать от них, но они подступали со всех сторон.

– Я лорд Валентин, корональ! – кричал он. Но его голос терялся в шуме ветра, и на зубах скрипел песок. – Это измена, захват власти! – не унимался Валентин. Но его крика никто не слышал. Обернувшись к дворцу Короля Снов, он увидел, что дворец исчез, и его переполнило душераздирающее ощущение потери.

Валентин проснулся.

Карабелла спокойно лежала рядом. В комнату вползал первый бледный свет зари. Хотя сон был чудовищным, а послание – самым что ни на есть зловещим, Валентин был абсолютно спокоен. Еще совсем недавно он пытался отрицать истину, но теперь ее нельзя было не признать, какой бы невероятной она ни казалась. В другом облике он был когда-то короналем Маджипура, но у него каким-то образом украли тело и личность. Могло ли это случиться? Едва ли допустимо не обратить внимания на столь значимый сон. Он рылся в глубинах своей памяти, пытаясь отыскать воспоминания о власти, о церемониях на Горе, о блеске королевских торжеств, об ощущении ответственности, и ничего не находил. Ничего. Он жонглер, и только. В памяти не осталось ни единого свидетельства о жизни до Пидруида, словно он родился на холме за минуту до встречи с погонщиком Шанамиром – с деньгами в кошельке, фляжкой красного вина на бедре и обрывками фальшивых воспоминаний в голове.

А если это правда и он был короналем? Что ж, тогда он должен ради блага Маджипура сбросить узурпатора и потребовать возвращения своих законных прав. Это его обязанность.

Но сама идея абсурдна, она давит на грудь и сушит горло. Лишить власти черноволосого человека, который так торжественно ехал по Пидруиду? Как это возможно? Как можно даже приблизиться к короналю, не говоря уже о том, чтобы столкнуть его с трона? Если нечто подобное и случалось когда-то, то это не значит, что удастся еще раз. Да кому? Бродячему жонглеру, легкомысленному молодому человеку, который вовсе не желает совершать невозможное.

Кроме того, Валентин не находил в себе склонности к правлению. Если он действительно был короналем, его должны были много лет обучать на Замковой горе искусству пользоваться властью, но теперь в нем не осталось и следа этих знаний. Какой же из него монарх, если он ничего не помнит и ничего не умеет?

И все же... И все же...

Он взглянул на Карабеллу. Она не спала. Глаза ее были открыты и следили за ним. Благотворительный страх в ней все еще оставался, но ужаса больше не было.

– Что ты будешь делать, лорд?

– Раз и навсегда – зови меня Валентином.

– Если ты приказываешь...

– Приказываю.

– Скажи, Валентин, что ты будешь делать?

– Продолжать работать со скандарами, – ответил он, – жонглировать, совершенствовать мастерство, внимательно следить за снами, выжидать, стараться понять. Что еще я могу сделать, Карабелла?

Он легко дотронулся до ее руки.

Карабелла на секунду сжалась, но затем накрыла его руку своей.

Валентин улыбнулся.

– Что еще я могу сделать, Карабелла?

Часть II

Книга метаморфов

Глава 1

Гэйрогский город Дюлорн был поистине чудом архитектуры, городом застывшего блеска. Он тянулся на двести миль вверх и вниз по ущелью Дюлорн. Хотя протяженность города была столь велика, в нем преобладали вертикали: громадные сияющие башни фантастических конструкций поднимались, как острые клыки, из мягкой, богатой гипсом почвы. Единственным строительным материалом в Дюлорне был местный камень – легкий, воздушный кальцит, который благодаря высокой отражательной способности сверкал, как бриллиант. Из него жители Дюлорна строили свои высокие островерхие здания, украшали их балконами, парапетами, массивными вычурными опорами, консолями, сталактитами и сталагмитами, кружевными мостами, перекинутыми высоко над улицами, колоннадами и навесами.

Жонглерская труппа Залзана Кавола вошла в город с запада ровно в полдень, когда солнце стояло над головой и заливало своим сиянием стены гигантских башен, по которым словно танцевали потоки белого пламени. У Валентина захватило дух, он с изумлением взирал на идеальное сочетание света и формы.

Дюлорн насчитывал четырнадцать миллионов жителей и относился к числу крупных городов на Маджипуре, но не был крупнейшим. На континенте Алханроэль, как говорили Валентину, города таких размеров не были редкостью. Даже здесь, на Зимроэле, в краю землевладельцев, встречались города еще больших размеров. Но Валентин был уверен, что ни один из них не сравнится с Дюлорном по красоте. Дюлорн выглядел и холодным и огненным одновременно. Его сверкающие шпили обладали каким-то неизъяснимым очарованием, они приковывали к себе внимание, как холодная неотразимая музыка, как пронизывающие звуки мощного органа, прокатывающиеся через мрак космоса.

– Сельской гостиницы здесь нет! – радостно воскликнула Карабелла. – Мы будем жить в отеле с тонкими простынями и мягкими подушками!

– Неужели Залзан Кавол так расщедрится? – спросил Валентин.

– Расщедрится? – рассмеялась Карабелла. – А что ему остается делать? В Дюлорне предлагают только роскошное жилье. Если мы ночуем здесь, то либо спим на улице, либо – как герцоги. Середины нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.